

Любовь Филимонова

Око Дракона

18+

Любовь Филимонова

Око Дракона

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Филимонова Л. А.

Око Дракона / Л. А. Филимонова — «ЛитРес: Самиздат», 2013

Главная героиня романа — Александра Панкевич, вполне успешная писательница, пишущая под псевдонимом Иванка Панчовски. Приключения героев, которые она описывает в своих романах, имеют странную тенденцию сбываться и в ее реальной жизни. Ее друзья — те самые богемщики, люди искусства, без которых наша жизнь была бы скучна, бесцветна, лишена красок и предвидения. Ее друзья — Валентин, он же литературный агент и друг Иванки; художник Валдис, по прозвищу Гуруджи, человек с очень нестандартными манерами, способом одеваться, и непредсказуемым поведением, — с него-то и начинаются приключения друзей; и Валерия, лучшая подруга Иванки, композитор, музыкант, она способна на практике доказать, что красота и в самом деле спасает жизнь. Эта «великолепная четверка» разгадывает тайну картины, которая привнесла в их жизнь столько неожиданного. Герои романа совершают путешествие в Эгейское море на «остров колдунов», открыв там неожиданно для себя Тоннель в другие миры. Повествование многопланово.

© Филимонова Л. А., 2013

© ЛитРес: Самиздат, 2013

Содержание

Часть 1. Тайна картины	5
Реальность	5
Нападение	13
Остров-оберег	16
Подсказки	19
Угрозы	23
Кто похитил картину?	27
Часть 2. Куда ведут следы	30
Легенды знают обо всём	36
Любовь – не тема для легенд?	39
Тот, кто распутал этот клубок	45
Что видит Око Дракона	48
Все на самом деле сложнее, чем кажется	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Часть 1. Тайна картины

Реальность

Валентин кивнул консьержке как старой знакомой и легко взбежал на третий этаж. Консьержка Мария Викторовна, женщина еще вполне молочно-восковой спелости «едва за пятьдесят», в недалеком прошлом околосветская тусовщица (а какая же еще может быть консьержка в доме, заполненном божественными знаменитостями?) ответила ему загадочной полуулыбкой. Ну кто ж из «посвященных» не знает лит. агента самой Иванки!

И если молодую писательницу Иванку Панчовски (в миру Александру Ивановну Панкевич), словно по мановению волшебной палочки ставшую знаменитой после экранизации ее книги о вампирах: «Кровавый поцелуй», знает теперь каждый любитель фэнтэзи, то ее литературного агента, чья доля, как и любого другого агента, вечно оставаться в тени, – дано знать только «посвященным»...

Ох уж эти «посвященные»... кухарки, уборщицы, консьержки, охранники. Негласные тихие свидетели того самого заветного «закулисья», куда мечтают проникнуть фанаты, поклонники, читатели и почитатели своих великих кумиров...

Зато после, потом... уже покинув свою службу у звезд, – все они зарабатывают бешеные гонорары на мемуарах об этих звездах...

...«Черт, – Валентин вспомнил, что у него есть запасной ключ от квартиры Иванки, нашарил его в кармане, попытался вставить в замок... и вдруг обнаружил, что дверь, собственно, и не заперта. – Что за черт!» – он вошел, вслушиваясь в тишину.

Ни звука.

Взглянул на часы. Обеденное время. «Ничего себе!».

В прихожей валялось что-то кружевное, из нижнего белья... Валентин снова чертыхнулся...

Чуть дальше, на пороге комнаты валялась еще одна кружевная часть из комплекта, что повергло Валентина в еще большее волнение.

Этот хаос от разбросанных повсюду вещей, которые по логике своей должны были бы находиться совсем в других местах, – в сочетании с полной тишиной – ему уже были знакомы. Неужели новый приступ депрессии? Прошлый окончился битьем посуды и попыткой перерезать себе сонную артерию. Слава Богу, что с анатомией Сашка-Иванка была знакома более чем шапочно, – на шее осталась только легкая царапина.

Тогда-то, полгода назад, Иванка и отдала ему ключ от своей квартиры. Конечно, – он же и «отец родной», и ангел-спаситель, и литературный агент, а также источник вдохновения.

Сейчас Валентина занимал один вопрос: «Почему в квартире так тихо?»

Ступая мягко, как охотник, подкрадывающийся к дичи, он подошел к двери зала... Пусто.

Что ж, пойдём дальше. Он осторожно заглянул в щелочку в спальную...

Да... а еще говорят, что именно во сне и проявляется наше истинное лицо... Вот и верь после этого молве. Глядя на это лицо ангела, Валентин почувствовал, как что-то толкнуло его в сердце. словно его тронули нежнейшей колонковой кисточкой... вот так: «тук», «тук», «тук»... Как дождинка падает на стекло.

Нежно посапывая своим маленьким носиком, с розоватым румянцем на пушистых, почти детских щечках, с самым невинным видом спало это чудовище, это исчадие ада. словно и не было за это короткое время (три беспокойных, сумасшедших года) двух или трех запоев,

плавно переходивших в депрессии, прерывавшиеся попытками суицида, порывами уйти в монастырь, затаиться в ашраме, выйти замуж, наняться в шпионы, стать садо-мазо...

Иванка шевельнулась, задышала более часто.

У него на сердце сразу стало уютно и тепло. Слава Богу, с ней все в порядке.

Валентин поспешно отступил и, осторожно прикрыв дверь, быстро ретировался на кухню. Еще не хватало, чтоб его застучали за подглядыванием в щель спальни! Хватит того, что обслуга, консьержка, журналисты, окружение Ивонны приписывают его скромной персоне весьма значительную роль в жизни молодой писательницы Иванки Панчовски. Что-то вроде гражданского мужа-тирана, эксплуатирующего это хрупкое, почти неземное создание ради собственных прихотей, а больше всего – ради огромных гонораров, и готового бросить ее в тот же момент, когда она перестанет приносить ему миллионы. Этакий классический сатир. Слава Богу, что его фотографии почти никогда не появляются на страницах прессы (уж он-то сам прикладывает к этому массу усилий), и «широкая публика» его не знает в лицо.

Ну, а если говорить о «посвященных» – слава Богу, что круг их узок. Играть роль демонического мужчины для этой маленькой аудитории ему вовсе не так уж и затруднительно.

* * *

...На кухне Иванки Валентин ориентировался не хуже хозяйки квартиры.

Достал из шкафчика пачку кофе, положил в турку две с половиной ложки, – как она любила, – поставил на огонь. Сейчас, почуяв запах, приползет и само чудовище. Иначе – если ей сейчас не приготовить кофе, – Иванка, нечесаная, заспанная, будет слоняться в полураспахнутом мохнатом купальном халате, и ныть, что кофе закончилось... куда исчезли все чашки... я же помню, вчера они были именно здесь... и какой идиот поменял местами тумбочки кухонного гарнитура... и кто съел вчера весь сахар...

Кофе уже было готово, его крепкий, чуть терпкий аромат распространился во все уголки просторной квартиры, а Иванка все еще не казалась носа из спальни.

Валентин уже начал немного беспокоиться. Поставил чашку на ее любимый маленький зеленый подносик с ярким разноцветным драконом (Иванка утверждала, что этот дракон, свернувшийся под чашкой кофе, чем-то похож на нее саму и удивительным образом поднимает ей настроение), – и направился с подносом к спальне.

Там по-прежнему было тихо.

Он хотел постучать, когда вдруг из тишины спальни послышался полный отчаяния и боли тихий голос, сравнимый со стоном существа, уже отходящего навсегда в иной мир, отчего по спине Валентина пробежал холодок: «Ты ведь меня не бросишь?..»...

Она что, бредит? Кому адресован этот вопрос? Тому, кто покинул ее этой ночью? Судя по всему, вечер, и особенно, ночь, Иванка провела далеко не в посте и молитвах.

Или ей что-то приснилось, и она разговаривает во сне? Хотя, может, опять обкурилась...

Пока он пытался угадать, что сейчас происходит с Иванкой, – дверь с силой распахнулась, оттуда вылетело взлохмаченное существо, похожее на помятого галчонка, и чуть не сбив его с ног, молниеносно промчалось мимо.

Валентин успел только заметить черный каскад сбегавших на плечи, вьющихся прядей, (опять переокрасила волосы?), – отчего Иванка сразу стала похожа на студентку-первокурсницу Сашку Панкевич.

И тут же ее шаги с такой же скоростью прошлепали обратно. Она мягко взяла Валентина под руку, неуловимым движением подхватила с подноса кашку кофе, припала к ней, как путник в пустыни к живительному источнику.

– Вот так всегда, – тихо пробурчал Валентин, удивляясь своему почему-то внезапно охрипшему голосу. – Ни тебе «здравствуй», ни «до свиданья», ни, тем более, «спасибо»! – продолжал он.

– Прости меня, ну прости, родной... – Ее голос был теплый, домашний, узнаваемый. Она льнула к нему теперь как нашкодивший котенок, – Дело в том, что я утром поставила на огонь кофе... Решила прикорнуть на секунду. Не заметила, как заснула... А тут такой запах... Ну, думаю, мой кофе, как всегда, выкипел, залил плиту...

– Так, – нарочито сухо поддакнул он, – а это – «прикорнуть» в реале – было не вчера ли? Она вдруг взвыла от восторга.

– Валентин! Неужели ты опять стал писать стихи? Как здорово! Ты так и шпаришь в рифму!...

Тут она остановилась.

– Минуточку, – а что это ты вообще делаешь у двери моей спальни? Признайся, ты подглядывал, – Иванка нагло заглядывала ему в глаза, причем, правый смотрел ему в глаза настойчиво и нагло, словно это был глаз правдоруба и простака, а вот левый...

Была у Иванки такая особая примета. Когда она завиралась или мысли ее убегали в противоположном направлении от темы разговора, когда у нее была какая-то задняя мысль, или она готовила собеседнику какую-то подлянку, то левый глаз ее совершенно самостоятельно, автономно, отдельно от правого, убегал в сторону. И хотя она отнюдь не была косоглазой, но возникающие порой в ее голове несправедливые мысли таким вот странным способом отражались на ее, в общем, довольно привлекательном лице.

Но об этом всем знал только один Валентин. Другим же Иванка порой просто казалась немного странной из-за этой мимолетной, впрочем, мало кем замеченной особенности. Хотя, по правде сказать, некоторые считали ее ведьмой. Но, по большей части, это были женщины, которым и самим это самое занятие было не чуждо.

– Ты мне ничего не хочешь сказать? – сурово спросил Валентин. – Ну, к примеру, чем-то порадовать?

Иванка опечалилась, словно он ей сообщил о том, что ее дом сгорел. Скромненько так пила маленькими, сиротскими глоточками кофе, и с укоризной смотрела на него. Ее взгляд словно говорил: «И чего этот удав хочет от меня, бедной?».

Она притворялась, что не понимает, о чем это он. Словно забыла, что ей было дано три дня на внесение исправлений в ее последний роман о кладоискателях, который с нетерпением ожидало одно крупное издательство.

– Ты завтракал? – вместо этого спросила она у Валентина. – Кто тебе завтрак готовит? Кто кофе по утрам заваривает? Умеет ли кто это делать так же хорошо, как я?

«Решила заболтать проблему? Не получится».

Валентин уверенно, эдак «по-мужски», твердо и многозначительно посмотрел ей в глаза.

– А что это ты говорила там, в спальне? – спросил он.

Иванка изобразила на лице полное непонимание.

– Странная привычка – разговаривать сама с собой, – не успокаивался Валентин.

Иванка вдруг совершенно искренне разозлилась.

– Не понимаю, о чем ты. А если хочешь спросить о концовке «Черного ветра», романа о кладоискателях, так прямо и говори... Нет, не дописала!

Валентин понял, что не надо пока больше на нее давить.

– Нет, не пила, не курила, ни то, ни другое, и даже не третье, – на которое ты так нагло сейчас намекаешь! – Иванка смотрела на него уже с каким-то сожалением, словно на большого, но глупого ребенка, которому, хоть и трудно что-то объяснять, но приходится... В то время, как он хранил полное (в смысле – наполненное немимым укором) красноречивое молчание.

И в это время в дверь позвонили. Как нельзя кстати. Она помчалась открывать дверь. Перспектива отложить на какое-то время тяжелое для нее объяснение, видно, была воспринята ею с облегчением. Через минуту на кухню ввалился совершенно неповторимая личность – Валдис, по прозвищу «Гуруджи», художник-анималист, как он сам себя называл.

Это был весьма колоритный персонаж. Когда-то, пытаясь опубликовать свой первый сборник юношеских стихов, Саша Панкевич искала недорогого издателя. Крупные издательства, из тех, что платят гонорары, не хотели иметь дело с начинающим автором, и свою первую книгу ей пришлось издавать за свой счет. Тогда-то она воспользовалась услугами соседа по площадке Валдиса. Он действительно «почти задаром» сделал ей тогда эту обложку. Кстати, довольно неплохо. И, благодаря Иванкиной книжке, кстати, восторженно принятой литературной публикой, – Валдис стал получать заказы от других издательств. Тогда-то и взял себе этот псевдоним – «Гуруджи». Правда, дальнейшее сотрудничество с издательствами как-то не заладилось. И Гуруджи сосредоточился на простом зарабатывании денег: делал буклеты и рекламки на заказ, ну, те, которые в большом количестве вываливаются из твоего почтового ящика, когда ты его открываешь утром, идя на работу.

Но при этом Гуруджи совершенно искренне считал себя чуть ли не крестным отцом писательницы Ивановны Панчовски, бесстыдно утверждая на всех перекрестках, что успехом своей первой книги она обязана именно ему. Ибо не сделай он тогда для нее сногсшибательной обложки.....

Вот и сейчас, как водится, без особого приглашения ворвавшись в ее дом, и, не здороваясь с Валентином, обшарив голодными глазами по периметру кухню, совершенно нагло заявил:

– Кофэ есть?

– И тебе здравствуй, дорогой! – ответил Валентин, которого этот персонаж порой изрядно раздражал.

Потом, решив, что тонкой иронией все равно не прошибить это мохнатое, нестриженое, вечно обляпанное то ли краской, то ли обычной уличной грязью создание, Валентин добавил:

– Уже все выпили.

– Но еще не завтракали? – с нескрываемой надеждой спросил Валдис.

– Ты что, сюда есть пришел? – возмутился Валентин.

Эта пуленепробиваемость Гуруджи порой просто бесила. Особенно после того, как Валдис однажды сознался, что зарабатывает в год... ну, по крайней мере, почти столько же, сколько и он, литературный агент со стажем и с именем в литературных кругах. Хотя вечно голодный взгляд и непременно испачканная роба этого служителя Аполлона и Золотого тельца, казалось, вопияли на весь мир о тяжелом детстве в трущобах городской окраины, о вечно пьяных родителях, о голодных глазах и тонких ручонках худосочного мальчугана, тянувшегося за последним куском хлеба на грязном столе, по которому сновали серые крысы...

Но Валентин знал из рассказов Валдиса о его маме, спокойно живущей в родном городке на севере Восточной Европы. Эта вполне добропорядочная, но немного скуповатая женщина также не бедствовала, занимаясь понемногу перепродажей по мелочи всего, чего только можно. Отец, правда, уже умер, но еще недавно он был довольно известным мастером по ремонту автомобилей в своем рабочем квартале, и также неплохо по меркам того района зарабатывал.

Так что, по всей видимости, на внешнем облике Валдиса отразились, въевшиеся на генном уровне, какие-то кармические дела еще более давних поколений его предков.

– А что такое? – невинно и довольно мирно спросил Валдис. – Я вот сегодня утром не успел перекусить.

– Ну, зачем ты так, – с укоризной сказала Иванка Валентину. – Видишь, человек голоден...

Она заглянула в холодильник. И так же решительно его закрыла.

Ох уж эти бабы, хлебом не корми, дай пожалеть какого-нибудь откровенного нахала или афериста.

– Знаешь, Валдек, у меня тут остался бутерброд со вчерашнего ... хм, ужина, – Иванка зацепила Валентина мимолетным взглядом.

«Да, кстати, о загулах, запоях, плохих девчонках, попавших в компанию плохих парней...», – подумал он. – «Как ей не надоедают эти вечные романы с парнями из дискотек, которые, как правило, младше нее лет на пять или десять... Пора дать ей по этому поводу хорошую взбучку»

– Да это была всего лишь Лера, – задумчиво и устало ответила она, глядя куда-то в сторону.

«Это что же, она прочла мои мысли? – Валентин почувствовал, как мурашки пробежали по коже. – Как легко у ведьмы это получается? А я ведь не из тех простаков, у которых на лице написано все, что было вчера, и что будет сегодня, и какую гадость ближним своим они собираются преподнести завтра... А ведь такое уже не первый раз».

Он невольно сжался в комок, втянув голову в плечи, словно это инстинктивное непроизвольное мышечное усилие могло создать вокруг него непроницаемую ауру и сделать невидимым.

А Иванка продолжала, как ни в чем не бывало.

– Лера вчера снова пришла просить меня написать тексты для ее уже готовых мелодий. Два часа уговаривала, убеждала: и какая я талантливая, и зачем я зарываю свой талант в землю, и что Бог меня не простит, если я не сделаю эти тексты, лишив человечество наших с ней прекрасных песен...

– И сколько ж вы выпили?

– Не «мы», а Лера... Бутылки две кальвадоса.

– Надеюсь, ты не отпустила ее вечером одну? – спросил Валентин, припомнив, как однажды вечером после такой же вот «творческой встречи» Валерию, довольно известного в узких кругах композитора, по дороге домой почему-то занесло в кафе «Три олуха», весьма популярное среди богемщиков города. ...Тот вечер для нее окончился в отделении милиции. Хотя сама Лера объясняла это так: администраторы кафе неправильно поняли ее попытки объяснить публике преимущество буддизма над индуизмом. Они не смогли связать эти ее объяснения с ее танцем прямо на столе.

Правда, на следующий день вызволенная друзьями из участка, Лера утверждала, что и понятия не имеет ни о главной составляющей буддизма, ни о смысле и количестве течений индуизма, и уверяла, что она на самом деле протестантка в третьем поколении колене.

– Я ж не изверг, – миролюбиво ответила Иванка. – Я ее отпустила только утром, когда она отдохнула и выспалась.

– Так ты говорила, бутерброд... – Валдис, вопросительно посмотрел на Иванку.

– А, да... подожди. – Иванка почему-то помчалась в спальню.

В это время, оставшись наедине с Гуруджи, Валентин смерил его холодным взглядом. Но тот целиком погрузился в медитативное выколупывание толстым корявым пальцем из носу некоей субстанции, полностью сконцентрировался на этом ответственном акте, при этом имея выражение лица, как у божьего праведника, узревшего в эту минуту сонм ангелов.

Иванка вернулась, неся в руке что-то плоское, действительно похожее на бутерброд, но – выглядевший так, словно он побывал под тяжелым прессом.

Валентин мог бы поклясться, что именно на нем и проспала эту ночь Сашкина подруга Валерия.

– Вот, извини, – все, что есть на сегодня...

Валдис схватил бутерброд и с необыкновенной быстротой зажевал его.

– Ты бы женился, Валдек, – жалостливо посоветовала ему Иванка. – Жена готовила бы тебе завтраки, стирала бы рубашки, делала бы тебе бутерброды...

– А что ты имеешь против моей рубашки, – Валдис демонстративно оглядел свою зеленую в яркие алые цветы рубашку, похожую на клоунский кафтан. – Я ее вчера в секунд хэнде купил. Был последний день распродаж с максимальными скидками.

Валентин демонстративно закатил глаза к небу, показывая, что у него нет слов, чтоб оценить великолепие Валдиса в новой рубашке из секунд хэнда. И пропустил момент, когда тот выудил из своего заплечного мешка предмет прямоугольной формы и протянул ее Иванке с радостной улыбкой, демонстрируя отсутствие переднего зуба. Этот зуб Валдис уже который год обещал вырастить по новейшей супернаучной методике силой мысли. Но пока дело дальше теоретической подготовки не шло. Вероятно, все должен был решить фактор времени.

– Смотри, что я достал по случаю, – торжественно произнес он. – Хочу сделать тебе подарок... Картина... Вот...

Иванка, развернув завернутую в бумагу картину, и, едва только взглянув на подарок, захлопала в ладоши.

– Ой, как здорово! Нет, Вальдек, ты все же на что-то еще в этой жизни годишься. – Она замерла, вглядываясь в картину. Покачала головой, – раскопать такое!...

Валдис зарделся от радости.

Тут даже Валентин заинтересовался, заглянул Иванке через плечо.

На картине выпуклыми мазками было изображено нечто... сразу трудно было сказать, что. Какой-то полукруг... Нет, скорее, какой-то разноцветный, вращающийся омут... Валентину даже показалось, что этот поток действительно вращается, прихватив разноцветные опавшие листья... По крайней мере все это казалось чем-то живым, движущимся, затягивающим вовнутрь... Трудно было оторвать взгляд. Картина словно вбирала в себя сознание смотрящего на нее. Валентину даже показалось, что-то шевельнулось в глубине картины, как змея, – словно там и взаправду могло находиться живое существо...

– Автор? – поинтересовалась Иванка.

Валдис только пожал плечами.

– Там стоит какая-то закорючка, но мне она незнакома. ...Да, сколько еще нас, талантливых, но не известных, бродит по миру – глубокомысленно резюмировал он.

Валентин не без усилия оторвав взгляд от картины. Валдиса развалился на стуле, и, похоже, надолго.

– Иванка, а не пойти ли нам куда-нибудь позавтракать? – предложил Валентин.

– Хорошая идея. А то у меня в холодильнике хоть шаром покати.

Иванка нехотя оторвала от картины взгляд, вздохнула и отправилась переодеваться. Вернее, – одеваться, так как за все утро так и не удосужилась выбраться из своего мохнатого купального халата.

– И я с вами, – предложил Валдис.

– Ладно. Только теперь твоя очередь платить, – не моргнув глазом, холодно парировал Валентин, пользуясь тем, что в настоящий момент нет никого, кто заступилась бы за Гуруджи.

Валдис скукожился, достал из кармана носовой платок, спрятал его, снова достал, вытряхнул оттуда на пол мусор и пыль, накопившиеся в кармане. И молча ретировался с кухни. Валентин услышал, как за ним хлопнула входная дверь.

Таков был стиль Валдиса: приходить, не здороваясь, уходить, не прощаясь.

Иванка довольно быстро вернулась на кухню, и Валентин не сразу узнал ее. В тонких, бархатных черных брючках, мягко облегающих длинноногую фигуру, в небрежно накинутом на плечи алом ажурном пончо, Иванка выглядела студенткой последнего курса, скажем, академии искусств. Одетая просто, ярко, но элегантно. Черные волосы, взамен ее каштановых, –

к ним Валентин пока еще не привык, – были уложены феном. Простая, скромная труженица искусств.

– А где Валдис? – она заметила, что на кухне чего-то не хватает.

– Да Бог его знает. Не успел я оглянуться, как он испарился, – не раздумывая, ответил Валентин.

– Ну да, ну да... – Иванка, впрочем, тоже не удивилась.

Уходя, Валентин захотел еще раз взглянуть на принесенную Валдисом картину. Но ее нигде не было видно.

«Что за черт!» – подумал он. И тут же забыл о картине.

* * *

Солнечный свет, льющийся с улицы сквозь витражные стекла двери, освещал две фигуры, отразившиеся в зеркальной стенке за будкой консьержки. Довольно высокий, широкоплечий импозантный мужчина с аккуратной русой бородкой, в сером твидовом пиджаке и джинсах, с головой, бритой под ноль. Валентин лишь недавно сменил свой прежний имидж божественного завсегдатая с длинными волосами, завязанными хвостом – на вот этот вид скромного мафиози на покое. И хоть выглядел он сейчас не более, чем на пятьдесят, – лишь один он знал, сколько еще единиц было там, за этой пятеркой...

А молодая женщина рядом с ним, никоим образом не выглядела парой своему спутнику. Похожа, скорее, на студентку, или даже бакалавра из провинциального универа. Невинное на первый взгляд создание, но в глубине души мечтающее о приключениях совсем иного рода.

Да, впрочем, как бы ни одевалась, как бы ни выглядела Иванка, – ей трудно было вписаться в какой-либо стандарт. Еще та это была штучка. Разве что наденет темные очки, спрятав под ними вспыхивающие разноцветные блики в очках и свой вечно убегающий в сторону левый глаз, который порой немного пугал ее собеседников.

Впервые, глядя правде (точнее, зеркалу) «прямо в глаза», Валентин подумал, что «эти двое – словно персонажи из разных опер»... На мгновение ему стало от этого не то что бы грустно, – немного печально.

Хотя, эти кривые зеркала... кто их знает. Они порой имеют странную тенденцию искажать реальную действительность.

И когда они спускались по лестнице и когда выходили на крыльцо подъезда, и Иванка держа его под руку, ступала в такт его шагам, Валентину на миг показалось, что ему сейчас не больше двадцати, что он еще студент, и направляется со своей подружкой в ближайший дешевый ресторанчик с самыми радужными надеждами на самые интересные приключения, ждущие их «потом»...

Консьержка умильно воззрилась на них. Как всегда, ей будет о чем посплетничать с подругами.

Едва они вышли из подъезда – в лицо ударил густой запах недавно политой весенним дождем земли, запах цветущих трав, распускающихся деревьев и еще чего-то нестерпимо будоражащего и возвращающего в раннюю юность...

Иванка прищурилась, замерла на мгновение и тоже глубоко вздохнула. Солнечные лучи, только что пробившиеся сквозь облака, отразились в ее глазах. Валентин увидел нечто похожее на недавнюю картину Валдиса: зеленый омут, разноцветные крапинки листьев на его поверхности, кружащиеся вокруг маленького черного отверстия посередине, которое затягивает их внутрь.

Валентин снова ощутил пугающую невесомость в теле...

«Ведьма!» – снова чертыхнулся он в душе.

И тут их неожиданно окатило водой из-под колес проезжавшей мимо машины. Иванка радостно взвизгнула, отпрыгнула в сторону, и, смеясь и чертыхаясь, стала стряхивать с себя брызги...

Нападение

Весь мир, омытый недавним дождиком, сверкал, и, казалось, только что побывал в автомойке.

Они направились в маленький тибетский ресторанчик. Когда-то этот ресторанчик пользовался в квартале популярностью, но в последнее время переживал не лучшие времена. Валентин и Иванка часто бывали здесь. Атмосфера буддийского покоя, полутемная прохлада полуподвала, самодельные панно из разноцветных лоскутков ручной работы на стенах придавали ресторану домашний уют и вполне восточный колорит. Правда, вся обслуга здесь состояла из узбеков. Валентин бывал на Тибете и знал, что местные жители выглядят по-иному. Но директор ресторанчика, судя по всему, рассчитывал на то, что посетители вряд ли отличат тибетца от узбека; главное – соблюсти восточный колорит.

Реи сразу заказали гарам-масала чай по-индийски в ожидании, когда подадут остальные блюда.

Иванка сняла темные очки. В полумраке ее глаза показались большими, глубокими и почти черными.

Валентин решил, пользуясь случаем, серьезно поговорить с ней.

– Что с тобой опять творится? Ну, вчера, допустим, к тебе заявила Лера, позавчера этот Гуруджи или еще какой черт... но у тебя же было целых три дня! ... что тебе помешало сделать эту долбаную концовку романа? Ты же отлично понимаешь, если не уложишься в договорной, кстати, тобой подписанный срок, они вместо твоего романа в этом месяце запустят сборник фэнтэзи. У каждого издательства – свой производственный график, согласованный с типографией. Тебе придется снова ожидать... И учти, что когда приходят новые, яркие авторы, – читатель быстро забывает добрых старых любимцев. Молодые – это наша с тобой вечная проблема.

– Но ты ведь не бросишь меня? – тихо спросила она, похоже, вовсе не слушая его. В голосе Иванки снова прозвучала боль, почти как тогда, за дверью спальни. Она положила свою руку на его, ладони у нее, действительно, были влажными от волнения.

– Что случилось? – уже мягче спросил он. Валентин знал, что на Иванку нельзя давить и действовать brutальными методами, даже тогда, когда она сама нарочно провоцировала ситуацию, создавая шторм в тихой бухте.

– Я боюсь, – почему-то шепотом, но вполне искренне ответила она. – Меня в последнее время мучают ночные кошмары и предчувствия...

Валентин заглянул Иванке в глаза.

Вот черт! Левый зрачок ее предательски дрогнул и совершенно самостоятельно поплыл в сторону. В то время как правый продолжал преданно, печально и честно смотреть ему в глаза. Вот чертова ведьма. Снова затеяла какую-то игру со своим старым товарищем?..

Пока он рассуждал о том, что кроется за этими фобиями Иванки, – она осторожно обернулась в глубину зала. За соседним столиком усаживался высокий мужчина средних лет. Валентину показалось, что он как-то слишком уж пристально уставился на его спутницу. Но это и не удивило. Иванка притягивала мужские взгляды – на улице, в ресторане, да и в любом месте, где появлялась.

Это был мужчина довольно солидного возраста, ровесник Валентина.

Иванка с тревогой смотрела на Валентина.

– Я так и знала... Мне кажется, я недавно уже видела этого человека... – Глаз Иванки в этом месте вернулся на свое законное место. – У меня отличная память на людей.

Незнакомец привстал со своего стула, похоже, стараясь получше разглядеть Иванку.

«...Да, с этой девушкой спокойно будет только покойнику», – подумал Валентин.

Его вдруг тоже охватило уже знакомое ощущение опасности. Так, наверно, у бродячего волка встает дыбом шерсть в предчувствии ожидающей неподалеку опасности.

Очередной молодой поклонник Иванки, наверно, с восхищением ответил бы на вопрос, чем же нравится ему эта женщина: «Драйв. Предвкушение приключений».

– Итак, во что ты снова ввязалась, красавица? – сурово спросил Валентин.

– П..понимаешь, тот вчерашний сон. Ведь они у меня почти всегда сбываются...

Он понимающе кивнул головой, хотя пока ничего не понимал. Но что оставалось делать – Иванка была искренне напугана.

– Валя. Это уже не в первый раз! Каждый раз, как только у меня появляется это ощущение, – ты же знаешь, – это и в самом деле случается!

Валентин задумался над этими ее словами. А ведь действительно, порой то, что она предвидела, о чем предупреждала его, – происходило на самом деле.

Что, если у Иванки и в самом деле талант Кассандры? Валентину, Иванке, да еще паре-тройке их приятелей было ведомо, что сюжеты своих романов она черпает именно во снах. И они, эти сны, с завидным постоянством имеют странную тенденцию потом реализовываться и в ее жизни.

Валентин больше других знал о Сашкиной частной жизни. Еще бы! Эта змея уже не раз вставляла его особу, изрядно окарикатурив, в свои произведения. Кроме того, Валентин был ее настоящим ангелом-хранителем, вытаскивая из порой весьма сомнительных приключений. Однажды ему пришлось доставать Иванку из милицейского участка, куда она попала якобы за употребление наркотиков. Ему это удалось лишь использовав все их связи и знакомства. А кто, как не он, провел не один день у ее кровати после неудачной попытки самоубийства, как сиделка; кто, как не он, вызволял ее из рук маньяка-поклонника?

Но правдой было и то, что Иванка явно недооценивала его роль в качестве своего главного ангела-хранителя.

Он вздохнул. Что делать! Такой уж «нескучный» напарник достался ему в этой жизни. Судьба, однако.

Что же касается дел сегодняшних, – то Валентину уже давно стало понятно: концовку для ее последнего романа «Черный ветер», придется, либо «ваять» самому, как и в двух предыдущих случаях, либо все же нанимать «варягов», – «лит.рабов», начинающих писателей Аменхотепа и Ираклия, чтоб по заданной им «схеме» они по-быстрому наваяли концовку для романа Иванки. Ибо – нарушить договор с надежным издателем – себе дороже. То есть, не только себе, но и этой ведьме.

Тут Валентин вдруг почувствовал, как ее маленькая, чуть влажная ладошка легла на его руку. Машинально он ответил на этот жест, сжав ее руку. Но теплый толчок в сердце был предупреждающим сигналом: «не теряй бдительность!». Он тут же быстро убрал свои руки со стола.

Начиная с того самого трагического момента в его жизни, когда в один миг он потерял всех своих близких и самых дорогих для него людей, Валентин чувствовал: что-то умерло тогда в нем вместе с ними... Что-то ушло навсегда, и сердце его тоже закрылось для новых чувств.

На женские штучки он также давно уже не велся. Вот только рядом с такой ведьмой, как Иванка приходилось быть особенно бдительным. Эта умела влезть в душу, когда ее не просят. А что до мужиков... Уж он-то видел, как она «разделявала под орех» очередного поклонника, который рядом с ней превращался в ягненка, готового повиноваться любому мановению ее пальца.

Да, что-то, а Иванка умела манипулировать мужиками не хуже, чем пером. Ну, чистая ведьма!

Валентин стал в последнее время очень осторожен с ней, особенно после того, как однажды поймал себя на мысли, что Иванка, его «боевой поделельник», ведьма-баба, курица,

несущая золотые яйца, талантливая врунья, хороший писатель... – еще и просто привлекательная женщина.

После той автокатастрофы, в которой погибла его жена и дочка, долгое время все женщины были для него на одно лицо. Оно было привлекательно и весело только вечером, в ярком макияже и при электрическом свете...

А вот теперь, в ресторанчике, ему лишь подумалось: «Господи! Из чего же все-таки соткан человек!»

Все эти внезапно нахлынувшие на него мысли и чувства на какое-то время вырубали его из этой реальности. Когда он очнулся, – увидел внимательный вопрошающий взгляд Иванки.

Она смотрела на него, словно он действительно был ее последней надеждой.

Валентин подумал, что она, похоже, и в самом деле сейчас нуждается в поддержке.

Иванка снова тревожно обернулась на глазающего на нее мужчину.

– Давай-ка сначала проверим, не кажется ли мне это... Ты же знаешь, я ведь не из тех истеричных барышень, что вздрагивают от каждого случайного выстрела. Но я и сама хочу убедиться, что это не психоз, не придумка. Понаблюдай-ка за нами со стороны...

Не дожидаясь его реакции, она быстро вскочила и направилась к дамской комнате мимо мужчины, сидевшего через три столика от них.

Проходя рядом с его столиком, она словно споткнулась, – Валентин дал бы голову на отсечение, что мужчина сделал в ее сторону какой-то непонятный жест рукой.

Иванка отскочила от него, как черт от ладана, и быстрыми шагами скрылась в дамской комнате. Мужчина поднялся из-за столика, явно направляясь за Иванкой следом.

Валентин понял, что пора вмешаться.

Оставив на столике деньги, он быстро двинулся к дамской комнате, стремясь опередить мужчину.

Тот раздраженно обернулся, услышав за своей спиной чьи-то быстрые шаги. Его рука скользнула в карман.

Валентин, мгновенно среагировал, тоже сунув руку в карман. Этот жест он не раз видел в детективных фильмах. Но в кармане он нащупал только пакетик ментоловых драже. А что еще там могло быть? Не пистолет же! Валентин сделал вид, что споткнулся, и щедрым жестом сеятеля рассыпал драже прямо под ноги мужчине.

Тот, поскользнувшись на жестких круглых горошинах, упал, чертыхаясь на непонятном языке. На шум из туалетной комнаты выбежала Иванка, и, схватив Валентина за руку, потащила на улицу.

– Быстро, пока он не очухался... Ты его... не насмерть?

– Ну что ты? Я ведь гуманист, ты же знаешь. Может, объяснишь мне?...

– Сейчас, давай сначала в такси...

Первым делом, заметая следы, они нырнули за угол, пробежали почти квартал, надеясь затеряться среди прохожих и оторваться от преследования, если оно будет. И лишь на параллельной улице поймали такси.

... Не сговариваясь, направились на Остров.

Остров-оберег

...В старом платановом парке, расположенном на краю города по обе стороны речушки Пали царил вековая тишина. Название речушки «Пали» – как утверждала Иванка, – странным образом попало сюда из языка народа маару, жившего некогда в степях Малой Азии. Оно обозначало «священное, защитное место». Так вот, посреди речушки находился остров. Он не имел названия, назывался просто Остров. Был расположен там, где речка как бы обнимала кусочек суши посередине, то ли раздваивалась на два рукава, то ли делая петлю, – это как посмотреть.

Островок был похож на изумрудную каплю, обрамленную в отливающую сталью оправу (не совсем чистые воды речушки Пали).

Как утверждала Иванка, и как показывал опыт, – это и в самом деле был остров-оберег. В книге легенд и преданий народа маару, которую Иванка недавно купила в букинистике, – было написано, что в древности шаманы этого народа умели находить и «приручать» отдельные, особо «благоприятные» для людей места (рощу там, лес, реку, остров). Там люди «встречались с богами», в этих местах ничего плохого с людьми не могло случиться.

Так ли, не так, – но действительно, каждый раз, когда Валентин, перешагивал с мостика на «обетованную землю» островка, – у него появлялось странное ощущение покоя, равновесия, да и вообще чувство, что все неприятности остались там, по другую сторону мостика. Людей от остального мира словно отсекала какая-то невидимая граница.

...Вот и теперь, когда они быстрым шагом, озираясь по сторонам, пересекли «границу», – прошли по узкому ажурному мостику на остров, – взглянув друг на друга, неожиданно облегченно рассмеялись, словно дети, уверенные, что здесь их никто не найдет.

Углубляясь по тропке в заросли боярышника, сирени, они не встретили ни души.

...Было тепло. Земля ближе к вечеру уже начинала отдавать обратно влажное тепло, которое вобрала за день. И, положив руку на ствол, можно было почувствовать, как деревья тоже излучали теплоту и почти тропическую влагу.

Валентин с Иванкой молча шли узкой тропкой через кустарник и травы по поясу. Кряжистые стволы плачущих ив, словно спускаясь с берега в речку, неровно висели над водой, окуная свои длинные зеленые ветви в медленное течение речушки Пали.

Валентин снял пиджак и бросил его на траву. Иванка молча дернула его за рукав. Колени его подогнулись, он неуклюже плюхнулся рядом с ней. Она так же молча развернула его спиной к себе. Села, прислонившись своей спиной к его спине.

Так и сидели молча, вслушиваясь в многоголосье цикад и птиц, в шелест ветра в кроне деревьев, в тихий плеск воды у берега, куда время от времени прыгивали лягушки, слушая отзвуки в душе от этих простых и вечных земных событий.

Пахло травами, а больше всего – полынью. Чем-то горьковатым как привкус судьбы, как дымок отечества...

...Дымком и на самом деле веяло, – с полянки неподалеку, где небольшая компания готовила мясо на решетках барбекюшницы.

Валентин закрыл глаза. Не хотелось ни о чем думать. Он сполз на землю и положил голову Иванке на колени. Она также молчала. Казалось, время на Земле закончилось. Просто выключилось, перестало существовать. Был только ритм сердца, запах земли и живое тепло твоего ближнего.

Иванка шевельнулась, Валентин каким-то образом почувствовал, что она улыбнулась. Он открыл глаза. Иванка улыбалась... небу. Он видел только ее запрокинутый подбородок. В небесах прямо над ними бело-серые космы облаков закручивались в странной формы спираль... Нет, это были какие-то конические круги, похожие на... чье-то гигантское око. И оно,

это око, словно вглядывалось прямо в душу Валентина, как будто высочайший хозяин этого ока высматривал там, внизу, что-то уж очень для него важное. Взгляд этот затягивал, от него даже замирало под ложечкой.

– Хочу кушать, – капризным тоном «противной девчонки» произнесла Иванка, принявываясь к запахам по соседству. – Ну вот, теперь они еще и лучку туда подсыпали... Садисты...

– Терпи, подруга, – философски резюмировал Валентин, поднимаясь, хотя рот у него также наполнился слюной.

Мясо с дымком, с лучком, с кетчупом... все это было бы для них как нельзя кстати. Ведь посидеть в тибетском ресторанчике толком так и не получилось.

Теперь, снова вспомнив происшествие в тибетском ресторане, Валентин посерьезнел.

– Дорогая, в своей скромной, непритязательной, тихой жизни ты порой сама провоцируешь весьма фантастические ситуации. – Он постарался, чтобы это прозвучало как можно более шутливо.

– Каким же это образом? – спросила Иванка.

Валентину на миг стало жаль ее.

– Ну, хорошо, давай подумаем вместе. Что этот человек мог хотеть от тебя? Ты говоришь, видела его раньше? Где? Что ты вообще о нем знаешь? У тебя с ним уже был где-нибудь какой-нибудь конфликт?

– У меня – с ним?... Да какой конфликт? Просто тогда, в ресторанчике, я вдруг осознала, что уже видела этого человека... правда, не могу вспомнить, когда и где. С одной стороны – я не особо удивилась. Мало ли... разносчик пиццы, почтальон, уборщик во дворе... В конце концов, это мог быть поклонник моего, скажем без ложной скромности, таланта.

– Ага. По его лицу вообще-то не скажешь, что он запоем читает что-нибудь, кроме комиксов...

Иванка, закатав штанины, попробовала войти в воду. Ойкнула, вода была еще прохладной. Но потом зашлепала ногами по мелководью, пугая лягушек.

– Ну не скажи, дорогой... Вон, к примеру, вчера в магазине... – она кокетливо улыбнулась, – представь себе, мальчишка-грузчик попросил автограф. Он вообще-то студент, а в магазине только подрабатывает...

Она вдруг замолчала.

– Стой! По-моему, я вспомнила, где могла видеть того мужика из ресторана! – она торжественно посмотрела на Валентина. – Кажется, он приходил ко мне накануне под видом сантехника. В спецодежде, с инструментом. У меня тогда был забит сток раковины на кухне.

– И что там у вас произошло?

– Да ничего особенного! Он, как и положено, работал на кухне... Я же не стояла у него над душой. А когда потом пришла на кухню, все уже было в порядке...

– Ты, надеюсь, ему заплатила? А что, если бедняга с тех пор так и таскается за тобой в ожидании своих денег?

– Ой, ну сейчас умру от твоей жесточайшей иронии.

Она вышла из воды, села рядом с ним на траву. Вдруг Валентин почувствовал, как по спине побежали мурашки, у него даже встали дыбом остатки волос на голове. В следующее мгновение он осознал, что за шиворот ему нырнуло что-то холодное, скользкое, живое... Он вмиг сорвал с себя рубашку. Из-под нее вывалилась лягушка.

– Ну и змея ты, – Валентин чертыхнулся, – черт побери твои ведьмины шуточки!

Иванка в это время заливалась совершенно безмятежным детским смехом, катаясь по траве от восторга, как трехлетний ребенок. Еще через пару минут и Валентин, не выдержав, тоже катался как последний идиот по траве, так и не надев рубашку. За ними молча наблюдала с соседней полянки вся компания любителей барбекю. Валентин на мгновение сообразил, как

должно быть странно выглядят они со стороны: полуголый мужчина и оч-чень шикарная дама, дико ржа, дрыгая ногами, катаются по траве, словно дети.

Вечернее солнце клонилось к закату, соседи по полянкам на берегу потихоньку разбрелись, а им по-прежнему еще предстояло решить эту задачу со многими неизвестными.

...Вечерний город помогает каждому найти свое убежище. Ни яркие фонари на улицах, ни сверкающие окна витрин, ни фары-прожекторы никогда не поймают своим призрачным светом, не выдадут того, кто хочется растаять, раствориться в темноте улиц.

Валентин и Иванка брели по городу, затерявшись среди случайных прохожих, спешащих на вечерние приключения, или возвращающихся оттуда. Им было уютно и комфортно в том вечернем безмянном мире, где ты – лишь господин и госпожа Никто. Где любая твоя одежда – к месту и ко времени. Где твое лицо в неверном, меняющемся освещении никому никого не напоминает. Где ты пришел из ниоткуда и идешь в никуда. Потому что и сам не знаешь, на какую улицу, в какой переулок свернешь в следующий момент...

Иванка с Валентином не спешили по домам. По-прежнему непонятной оставалась та завязка очередного приключения, участниками которой они стали сегодня. Нужно было понять, что им ждать от дня грядущего?

– Ну, хорошо. Давай тогда начнем с другого конца. О чем твой следующий роман? – поинтересовался Валентин. Уж кто-то, а он отлично знал, что Сашкины фантазии в романах чаще всего весьма странным образом переплетаются с ее реальной жизнью, порой, словно предсказывая события ее реальной жизни.

* * *

Не зря философы утверждают, что вся наша жизнь изобилует подсказками судьбы. Но эти подсказки еще надо заметить и правильно растолковывать. И когда это удастся – наша обыкновенная, серая, порой слишком размеренная жизнь наполняется ярким светом, необыкновенным калейдоскопом красок, превращаясь в череду самых невероятных приключений, загадочных событий и неожиданных встреч.

Подсказки

Валентин, распахнув пошире раму своей лоджии, медленно кайфовал в недавно выученном комплексе цигун под названием «Плечо дракона», плавно переливая утреннюю энергию из одной части тела в другую. Слившись в дзенском Сатори с неземным сиянием вечности, он не обращал внимания на то, что делалось за его спиной, а именно – в его квартире.

А там, между прочим, весьма привлекательное, хрупкое голубоглазое создание в утреннем халатике, небрежно наброшенном на загорелые, угловатые, но прекрасные в своей юной красоте плечи, пыталось приготовить кофе на плите. Видно, уже хорошо изучив вкусы обитателя квартиры, девушка хотела, как положено, три раза довести ароматный напиток до кипения, не пролив при этом ни капли на плиту, ибо это, несомненно, существенно повлияло на букет его вкусовых и ароматических качеств.

Молодая особа только что пропустила тот самый ответственный момент, когда вспенившийся напиток, коварно подкравшийся к краю турки, надо было остановить, мгновенно выхватив железный сосуд из пламени. Но, увы, – несколько капель все же упало на плиту.

Девушка разволновалась и, схватив губку, обжигаясь, стала вытирать плиту. Но запах пролитого на огонь кофе уже предательски распространился по всей квартире. Девушка в отчаянии села на табуретку. Светлые волнистые волосы разметались по плечам, а на ее правой щеке красовалась коричневая полоска от кофе, скорее похожая на большое родимое пятно.

Она задумчиво наблюдала через стекло лоджии за Валентином, и на ее лице отражалась целая гамма чувств – от ревнивого любопытства (и на что же это ее великолепный друг променял утренние минуты в ее объятиях?), – до бесконечного почтения к недоступной ей способности этого человека, которого она почти совсем не понимала, заглядывать в такие высокие эмпирии, о волшебной красоте которых она могла лишь догадываться.

Она так и сидела в полной прострации, пока в кухню не вошел Валентин с накинутым на плечи полотенцем, вкусно пахнущий после ванны шампунем и лосьоном. Его вполне спортивную фигуру кроме полотенца украшали еще и черные плавки.

Она, зажмурив глаза, вдохнула этот исходящий от его тела божественный аромат и, закрыв глаза, потянулась к нему лицом, губами, всем телом.

А Валентин, принявшись к не обрадовавшему его аромату убежавшего кофе, снисходительно полюбил девушку и почти отечески поцеловал ее в лоб.

– О, кофе... – произнес вполне нейтральным голосом, который не мог обмануть это прелестное создание. – Спасибо, котенок.

И, не притронувшись к напитку, вышел из кухни.

Девушка лишь вздохнула.

...Раскурив трубку, набитую отличным душистым табаком с Мальорки под названием «Капитан Гард», Валентин уселся в кресло перед компьютером и открыл на экране только что присланную Иванкой рукопись. В последнее время он курил редко, лишь когда предстояло решить какую-то головоломку (Иванка над ним тогда подшучивала – «ты почти как Питер Фальк в роли сыщика Пуаро»). Кстати, курил ли Пуаро на самом деле?

Обычно, работая за компьютером, он использовал суровую деревянную табуретку, что не расслабляло позвоночник, позволяя держать его в хорошей форме. А кресло и трубка были неизменными атрибутами лишь тогда, когда намечалось очень длительная медитация за компьютером.

И он начал читать:

Иванна Панчовски

«Отражения»

... В это утро в книжном магазине Марион совершенно случайно наткнулась на однокашницу по колледжу, Джесси. Марион было очень странно ее там видеть. Что делает здесь Джесси, которая, в общем-то, никогда особо не увлекалась чтением книг. Она наверняка и держала-то книгу в последний раз в колледже перед выпускными экзаменами. Спроси ее, что интересного она прочла в последнее время, – та удивленно распахнет свои прекрасные голубые глазищи – о чем это вы?

– Привет, дорогая!

– Привет! Ты прекрасно выглядишь!

После двух-трех минутных восхищенно-восторженных приветствий, они, отступив на пару шагов назад, обошли друг дружку по кругу, окидывая собеседника вполне трезвыми и вполне критичными взглядами.

Марион почему-то вспомнился недавно увиденный по телевизору спарринг по китайским единоборствам, где два спортсмена так же «вытанцовывали» друг против друга. Действительно, в такие вот минуты интуитивного «спарринга» женщины напоминают кружащихся бойцов у-шу. Она вслух рассмеялась этому сравнению.

Джесси помрачнела. Снова эта «умница» нащупала в ней какую-то слабинку.

В те годы, когда они ещё учились в одном колледже, они с Джесси были неформальными соперницами. Марион была самая умная – никто лучше нее не мог придумать сценарий и провести зажигательный праздник. Зато Джесси была самая красивая в их квартале, в нее тайно или явно были влюблены почти все парни их района.

Это соперничество Марион забавляло, Джесси – раздражало. Она всегда считала Марион странной, чудаковатой «умницей», из тех, кто всегда старается выделиться в компании хоть чем-то: странной одеждой, странными манерами, непонятными умозаключениями.

Впрочем, девушки, хоть и соперничали еще с «возраста разбитых коленок», но никогда всерьез ни разу не ссорились. Так что – у Марион не было причины не поболтать с давней «подругой детства».

– Ты стала еще изящнее, – сказала она Джесси, – как твой муж?..

– О Боже, о чем ты говоришь? – Джесси явно была польщена первой частью вопроса. Зато вторая часть, про мужа, очевидно, вызвала у нее совсем негативные эмоции. – Я ведь недавно развелась...

При этом взгляд Джесси скользнул куда-то в сторону.

Отследив траекторию ее взгляда, Марион увидела неподалеку молодого человека с длинными волосами. По внешнему виду – странный черный балахон, на шее большой красочный амулет, – Марион почему-то решила, что он – художник.

– Ты не одна? – тихо спросила она у Джесси, впрочем, совсем не напрашиваясь на знакомство.

– Это Ник Селена, художник. – Джесси представила ей спутника. – А это моя подруга детства.

Ник молча кивнул ей головой.

– Вот, мы зашли купить книгу, которую оформлял Ник, – сказала Джесси. – Ты знаешь, он прекрасно рисует... – в ее голосе послышался искренний душевный трепет.

А Марион обратила внимание, что с того самого момента, когда она заметила Ника, он не сводил с нее взгляда. Она попробовала ему улыбнуться через плечо Джесси. Но Ник не ответил. Продолжал смотреть на нее во все глаза, слегка наклонив голову к плечу, словно был чем-то удивлен.

Марион вела в своей газете колонку Происшествия, но и в искусстве худо-бедно тоже немного разбиралась, и про Ника Селену, конечно же, слышала. Репродукции его работ ей были знакомы. Да, и книжки он оформлял довольно эффектно.

Джесси то ли боковым зрением, то ли шестым чувством уловив этот внезапный интерес ее визави к Марион, и быстро распрощалась, решительно уводя своего спутника под руку.

Марион осталась в магазине, но у нее было четкое ощущение, что Ник словно хотел ей что-то сказать, или о чем-то спросить...

И вот несколько месяцев спустя на выставке современного искусства Марион неожиданно наткнулась на отсек с картинами Ника Селены.

Действительно, его картины производили очень странное впечатление, особенно собранные вместе. Казалось, ты попал в какой-то иной, нездешний мир, замаскированный под обычную, привычную реальность. Во вполне обычных его пейзажах проступало что-то нездешнее.

Вот обычный дворик на окраине небольшого городка. Развешанные вдоль дома самотканые половички, на которых вытканы узоры из орнамента древних майя. Приоткрытый полуразвалившийся сарай, из двери которого выглядывает диковинный, наверное, допотопный зверь, похожий то ли на ящера, то ли на дракона.

Еще там было много женских портретов. Причем, художнику позировали не профессиональные натурщицы, а самые обыкновенные женщины. В стандартных натурщицах есть что-то специфическое, и художник передает энергию тела, любит линию, щеголяет красками, наслаждается формой, объемом. Но здесь были совсем другие женщины. Казалось, каждая имеет свою загадочную, неповторимую, почти трагическую судьбу, которую и старался передать художник, читая ее в их глазах, жестах, повороте головы. В общем, это были все очень непростые женщины.

По своей старой журналистской привычке подслушивать и подсматривать, Марион кое-что удалось подслушать в толпе посетителей, считавших себя знатоками искусств. Они шептались, а попросту говоря, сплетничали о художнике, щеголяя друг перед дружкой своей осведомленностью. «...Вот эта женщина – его старая любовь, теперь она – жена друга. ...А вот с этой его связывало одно восхитительное легкое приключение. ...Эта же – отвергла его еще в юности, и через всю жизнь он пронес к ней светлое, неомраченное чувство»...

Марион шла вдоль стены, вдыхая неповторимый запах свежей краски, свежей древесины, холста, пеньки, легких экзотических ароматов гостей, чуть слышного аромата коньяка, который на подносах разносили официанты.

И тут ее взгляд упал на очередной портрет. Отчего-то перехватило дыхание. Что за черт! Ее шок легко было понять. Ведь это было... ее собственное лицо.

Да, именно так. Из переплетения веток, листьев, из буйства, хаоса растений, проступало...ее лицо. Как будто в картину было вмонтировано зеркало, в котором она вдруг увидела собственное отражение. Даже мурашки пробежали по коже.

Марион украдкой оглянулась. Кто еще заметил это поразительное сходство? Но публика на выставке была занята созерцанием того, что висело на стене, и на Марион никто не обратил внимания.

Обойдя всю экспозицию, Марион нашла здесь еще одну картину, на которой был «ее» профиль (то есть, профиль ее двойника). Это была обложка какого-то общего сборника стихов, и еще – женский силуэт на небольшом офорте.

Причем, даты под этими работами стояли довольно старые, – задолго до того, как она встретила живого Ника Селену и Джесси на улице.

Она вышла с выставки ошарашенная. Конечно, поразили и сами картины Ника. Но больше всего ее занимал вопрос: кто та женщина, так похожая на нее? Марион могла бы поклясться, что нигде и никогда раньше не встречалась с Ником. «Надо будет расспросить о нем у Джесси».

Но с Джесси они больше как-то не встречались. О самом художнике Марион время от времени вспоминала, и даже купила пару-тройку книг, им оформленных.

«В конце концов, – решила она без ложной скромности, – не секрет, что у каждого художника существует какой-то идеал. Кто знает, может, каким-то чудесным образом, в его воображении появилась – пусть и не ошеломительная красавица, – но женщина все же не без внутреннего шарма, такая как она? Чего только на свете не бывает!»

И всякий раз, когда она вспоминала Ника, у нее не проходило ощущение, что их все же связывает что-то общее...».

Угрозы

Валентин откинулся на спинку кресла, окутавшись клубом ароматного дыма. Подумал: неплохая завязка. Можно далее раскрутить сюжет несколькими способами... интересно, какой выберет Иванка? Ему чаще всего этого не удавалось угадать.

Намечен герой – таинственный художник, его творчество содержит в себе какую-то загадку, которую, судя по всему, и должна будет разгадать героиня. Иванка пошла правильным путем. Ведь герои многих современных книг – крепкие молодые парни, выясняющие свои отношения с помощью крепких кулаков, – уже утомляют. Читателю хочется романтики, красоты отношений, тайны, которая где-то рядом.

Правда, этот иностранный антураж... Он уже давно вышел из моды. Издательства сейчас предпочитают не экзотику неведомых стран, а акварели, так сказать, родной стороны. Придется поработать с Иванкой. Простите, с Александрой. Возможно, придется даже сменить имя. Правда, читатель уже привык к ее старому... Да и сама Александра с таким трудом поддается влиянию с его стороны...

Каждый раз, когда он пытался предугадать ход мыслей Иванки и развитие ее сюжета, ему это редко удавалось. И это, собственно, Валентину в ней и нравилось. Иванка была непредсказуемой, как в жизни, так и в своих книгах.

...Погрузившись в размышления, Валентин почти совсем забыл о своей утренней гостье.

...Нежная ручка обняла его за шею. Преодолевая почтение к своему рыцарю, юная библиотечка позволила себе эту прощальную ласковую фамильярность.

Но Валентин, честно говоря, уже мыслями и ощущениями был погружен в события совсем другого мира. На какой-то миг мысли его вернулись к очаровательному созданию, и он повернулся к ней:

– Пока, котенок, – сказал он, шлепнув (впрочем, без особого энтузиазма) по упругой, юной попке. И уже не слышал стука двери, закрывшейся за его очаровательной гостьей.

Да, в последнее время в их с Иванкой обыденную жизнь с завидным постоянством взрывали какие-то непрошенные, непонятно откуда сваливающиеся на их голову приключения... И, что самое интересное, каким-то образом, Иванка предугадывала их. Каждый новый ее роман начинался как предсказание того, что совсем скоро может приключиться и в ее собственной жизни. Причем, доставалось не только ей, – а и всем ее друзьям при этом тоже.

Он снова пробежал глазами написанное.

Слава Богу, пока здесь все развивается как обыкновенная мелодрама. Никаких покушений, похищений, нападений... Возможно, на этот раз нас ждет спокойное погружение в мир искусства?...

Но как сюда вписывается вчерашняя картина, которую притащил Гуруджи, и от которой у Валентина, честно говоря, с первого взгляда мурашки побежали по коже? Или то нападение на Иванку в ресторане...

Являются ли эти события звеньями одной цепи? Или уже это его, Валентина, предположения?

Он стал одеваться, чтобы отправиться в издательство, где их с Александрой уже третью неделю ждали с концовкой последнего романа, как вдруг раздался резкий телефонный звонок. Этот звук сразу чем-то не понравилось Валентину. Он показался ему каким-то... ну уж очень вызывающим.

...Он едва узнал в трубке голос Иванки. Она рыдала в трубку.

– Гуруджи убили!

У Валентина даже трубки выпала из рук. Сначала телефонная. А когда он полез за ней под стол, – упала и трубка с табаком, рассыпая по полу тлеющие угольки. Господи, ну кому

понадобилась это травоядное? И за что его убивать? Уж кто-то, а этот охламон был весьма далек от мира великих шекспировских страстей.

– Где он? Убийцу поймали?

– Приезжай, – Иванка долго сморкалась в платок.

Пять минут спустя, привычно быстро натянув на себя свитер и джинсы, – безотказно срабатывала привычки кочевой жизни, – Валентин уже ловил такси на углу улицы.

Еще полчаса спустя он вместе с Иванкой мчался в машине в больницу, куда доставили Гуруджи.

– Я и сама ничего не понимаю...

Иванка уже была похожа на бойца полка особого назначения, готового к рискованному спецзаданию: извлечь с нейтральной территории труп своего боевого товарища, дабы не оставлять его на поругание врагам. Брюки хаки и короткая камуфляжная куртка подчеркивали ее решимость и готовность добиться своего любой ценой.

– Давай с самого начала. От кого и как ты узнала, что случилось с Гуруджи?

– Мне позвонили из больницы...

– Тебе? – изумился Валентин. – Почему именно тебе? Почему не его родственникам?

– Представляешь, – голос Иванки подозрительно дрогнул, – у бедняги, оказывается, больше никого нет, кроме меня...

– Интересно, – отозвался Валентин, – а я и не знал, что вы – настолько кровная родня.

– Перестань, – оборвала его Иванка. – Живого человека убили ни за что, ни про что... Твоя ирония совсем неуместна.

– Все же, – не унимался Валентин, чей аналитический ум не дремал ни при каких обстоятельствах, – а как эти врачи догадались, что ты – его единственная родня?

– Так Гуруджи назвал им именно меня...

– Как назвал? – не успокаивался Валентин. – Для покойника он, пожалуй, слишком разговорчив, ты не находишь?

Иванка задумалась.

– Как тебе название твоего следующего романа: «И покойник заговорил!». А? – продолжал Валентин.

Молчание Иванки стало менее напряженным.

– По-моему, такое название уже где-то было, – наконец, отозвалась она, уже довольно спокойно.

Машина затормозила возле серого здания больницы.

– Мы по поводу Гуру... простите, Валдиса... – как его, – Валентин незаметно толкнул локтем Иванку, потому что ему до сих пор не удавалось запомнить фамилию этого «великого и самобытного, но пока еще не известного народу талантища».

– Дукатис, Валдис Дукатис... – поспешно добавила Иванка, почти всунув голову в справочное окошко. – Он доставлен к Вам сегодня утром... Как он? Еще жив?

– Простите, а вы ему кто?

– Как кто? – Иванка возмущенно пожала плечами. – Сестра, естественно... вот, с мужем, – не моргнув глазом, соврала она.

«Плох тот писатель, который не умеет врать», – философски отметил про себя Валентин, попутно решив, что мысль эта достаточно глубока, и достойна быть занесенной в его Писательский Дневник, над которым он работает уже не один год.

Уж что-что, а врать Иванка могла так же искренне и естественно, как и улыбаться.

– Ему уже лучше, – ответила медсестра. – Милиция, наверно, уже заканчивает допрос. Они уйдут, вы и зайдете.

... Через каких-то полчаса они уже осторожно приоткрывали дверь палаты, опасаясь увидеть изувеченного и загипсованного Гуруджи в полубессознательном состоянии.

Валдис с забинтованной головой возлежал на белоснежной постели. Но его живые блестящие глазки вполне осмысленно сканировали окружающее пространство.

Завидев Валентина и Иванку, он радостно заулыбался.

– Ну, слава Богу, – Иванка подбежала к кровати и, как любящая мамаша, погладила Гуруджи по забинтованной голове. Тот преданно, как собака, смотрел на Иванку.

Валентину на какое-то мгновение стало его жаль, хотя до этого ему было больше всего жаль Иванку, искренне переживавшую за Валдиса.

– Рассказывай, что случилось.

Гуруджи и самому не терпелось поделиться с ними происшедшим.

– Да меня пытались ограбить...

– Тебя? – в один голос изумились Иванка и Валентин.

Воистину, злодей, покусившийся на Гуруджи, должен быть совсем уж не в своем уме, если почему-то решил, что у Гуруджи можно хоть чем-то поживиться.

– И что же они у тебя отобрали?

– Сумку... Ну, ту, в которой я принес тебе вчера картину.

– И тебя чуть не убили из-за пустой сумки? – спросил Валентин.

– Ну... она не совсем была пустая... – потупив глаза, произнес Валдис.

– И что же там было такое сверхценное?

– Да... два старых журнала... я прихватил их у тебя в коридоре. Они лежали на столике у двери. Ты же их уже прочитала, они совсем тебе не нужны. Поэтому я и взял их почитать, – кротко пояснил Валдис Иванке.

Действительно, у Гуруджи была очень интересная привычка – прихватывать у друзей то, «что было им совсем не нужно». В разряд этого «совсем-совсем не нужного» могли попасть как «плохо лежавшие» продукты питания, находившиеся без присмотра, так и вещи, которые «совсем никому не нужны» и лежали где-нибудь, как уверял Гуруджи, – «у двери, на выброс».

– И... что? Они напали на тебя из-за этих старых журналов? – выпытывала Иванка.

– Они вынули эти журналы, затем стали ужасно материться: «Чертов козел, долбаный кретин...»

– А если без лирических отступлений, – перебил его Валентин. – Еще бы им не материться, если у тебя кроме старых, и к тому же, чужих журналов и украсть-то нечего.

– Ну не скажите? – возмутился Валдис, – у меня в кармане был только что полученный гонорар за граффити.

– И что, деньги тоже забрали?

– Нет. Их интересовала только сумка. Я сначала не понял, чего они хотят. И только когда они спросили про картину, а потом дали мне по голове...

– ...Для большей конкретности твоих ответов, – не мог не съязвить Валентин.

– ...А потом я упал... В общем, я очнулся, когда мне в лицо плеснули водой. Открываю глаза, – а это Марина, моя соседка. Ну, такая очень интересная брюнетка. Тоже художница... Она...

– Давай вернемся к картине, – Валентин был неумолим.

Тут вмешалась Иванка:

– Подождите, речь идет о той картине, которую ты мне вчера подарил?

– Да, подхватил Гуруджи. – Я ведь тоже не сразу понял, о какой картине они спрашивают. А потом вспомнил, что как раз этим утром я подарил тебе картину, и она была именно в той сумке, в которой они рылись. ...А потом я потерял сознание... и соседи помешали им меня убить... – грустно закончил он свой рассказ.

– Отсюда вопрос, – выпытывала Иванка, словно опытный следователь. – Где, когда и при каких обстоятельствах ты раздобыл: купил, стащил, выменял, подобрал как «совсем-совсем ненужную» – эту картину? Давай подробности. Все, что о ней знаешь. Важны все детали.

– Чует мое сердце, – она многозначительно посмотрела на Валентина, – продолжение этой истории следует. Черта с два милиция найдет этих хулиганов – ворами их назвать трудно, потому что ничего не украли.

– Вернемся к происхождению картины, – Валентин повернулся к Гуруджи.

Но тот, к их удивлению, уже спал совершенно невинным детским сном, отвернувшись к стене, посапывая и похрюкивая, как трехлетнее дитя. Видно, сказался пережитый им стресс и усталость от медицинских процедур и милицейских допросов.

Валентин с Иванкой только переглянулись. Очевидно, придется перенести разговор на завтра. Главное, что Валдис жив и теперь ему уже ничто не угрожает.

Когда они, стараясь не шуметь, выходили из палаты, вдруг раздался сонный голос Гуруджи, похожий на голос капризного ребенка:

– Мне и цитрусовые тоже не вредны, у меня нет на них аллергии...

Иванка с мимолетным укором глянула на Валентина. Ему тоже стало немного совестно. Действительно, прибежали сюда с пустыми руками... Но ведь мчались-то они сюда, уже почти не надеясь увидеть Гуруджи в живых.

– Извини, брат, – пробормотал пристыженный Валентин. – Мы так обрадовались, что ты живой, так спешили к тебе, что просто не успели купить гостинец. В следующий раз не забудем.

Валдис, не дослушав, повернулся к стене и заснул крепким сном праведника.

Кто похитил картину?

По дороге к Иванке, они заскочили в отделение милиции, где работал старый приятель Валентина Миша Кронин, уже не раз помогавший им в «нестандартных жизненных ситуациях».

– Нет, дело, конечно, будет расследоваться очень тщательно, – рассуждал Михаил, впрочем, без большого энтузиазма. По нему было видно, что это происшествие вряд ли будет отнесено к разряду преступлений, подлежащих немедленному раскрытию. – По правде говоря, в этом районе наркоманов или бандитов мы встречаем нечасто. Но район старый, многие квартиры здесь сдаются внаем, а это значит, много и приезжей, случайной, очень разномастной публики.

– Вот ваш приятель, – продолжал Миша, – могло ведь так случиться, – он что-то не поделил с сотоварищами? Или о чем-то поспорил. Художники – народ импульсивный. Сегодня могут подраться, поспорив, кто гениальнее, а завтра...

Михаил выразительно посмотрел на Иванку, которая хранила молчание, что для нее было нехарактерно. Хотя, возможно, она просто не верила в дедуктивные способности работника дубинки и пистолета в этом, несомненно, очень непростом деле.

Валентин также не стали рассказывать приятелю про картину из холщовой сумки Гуруджи. Это лишь их версия. Возможно, эти подробности не имеют отношения к делу.

– Ох, ребята, – сказал Миша, и его улыбка была весьма многозначительной, – мне кажется, вы что-то здесь не договариваете?

– С чего ты взял? – весьма натурально удивился Валентин, хотя его мнение о дедуктивных способностях приятеля в этот момент заметно повысились.

– Да я вас хорошо знаю! – от души рассмеялся Миша, – там, где появляется ваша компания – скучно не бывает. Колитесь, что у вас в загашнике? Труп в багажнике?

Он еще продолжал смеяться, но глаза его посерьезнели.

– Вы на всякий случай еще раз проанализируйте все, что знаете, – может, и сможете подбросить дровишек в огонь. А? Или мне это только кажется?

– Михаил, – проникновенно произнесла Иванка. – Нас очень беспокоит судьба нашего товарища, человека тонкой душевной организации, прекрасного художника, человека, которому не от кого больше ждать помощи, понимания и сочувствия...

У Валентина от такой прочувствованной речи что-то даже защеботало в носу и в глазах, ему захотелось достать платок и громко высморкаться. Но он вовремя вспомнил, что платок забыл дома. Интересно, а если он сам попадет в подобную историю, и будет так же, как Гуруджи, валяться на больничной постели, что скажет Иванка? Будет ли так же со слезами в голосе вспоминать о нем? Расстроится? Опечалится?

– Хорошо, я сейчас же позвоню в христианский «Красный крест»... – предложил Михаил, – пусть пришлют к нему медсестру.

– Миша, на выход, – в комнату заглянул кто-то из сотрудников.

– Ну, простите, ребята, – Михаил быстро поднялся, – сегодня у нас небольшая запарка. – Затем немного помедлил, пытливо глядя на Иванку и Валентина, добавил на прощанье, – думаю, у нас с вами еще будет возможность обсудить это дело немного позже. Идет?

И, не дожидаясь ответа, быстро ушел.

* * *

Подъезжая минут через пятнадцать к дому Иванки, Валентин увидел то, что меньше всего ожидал увидеть...

Издали они заметили маячившую на тротуаре перед домом знакомую фигуру, несмотря на довольно теплую погоду, завернутую в длинную бежевую шаль домашней вязки. Это была Валерия. И что-то с Валерией было не так. Она была растрепана и походила на птенца сороки, которого мать-сорока только что научила летать.

– Ой, ну, слава Богу, – завидев Иванку и Валентина, Лера бросилась к ним навстречу. – С вами все в порядке?

– А почему с нами что-то должно быть не в порядке? – удивленно спросила Иванка, обнимая ее, хотя в ее голосе прозвучали такие же слегка тревожные нотки, что и у Леры.

Валентин подумал, что женщины порой, как летучие мыши, могут изъясняться ультразвуками. И, что самое интересное, – при этом прекрасно понимают друг друга. «Отчего же прочие люди... к примеру, мужчины, не могут так же общаться друг с другом?...».

– У меня сегодня с утра было какое-то странное чувство... – Лера смотрела на них, словно мать, наконец, встретившая своих любимых детей из дальнего и очень опасного путешествия, – что с вами что-то приключилось. Я стала тебе звонить, – она заглянула Иванке в лицо, – а телефон был выключен.

– Я его забыла зарядить, – ответила Иванка.

– Но я этого не знала. Вот и помчалась к тебе...

Валентин знал эту странную привычку Леры – вот так просто, не предупреждая, нарисоваться в дверях – будь это ночь, или несусветная рань, неважно: «ах, я проезжала мимо...», «я соскучилась...», «мне дома было так одиноко», «у меня предчувствие...»

И уж совсем неожиданно для Иванки и Валентина, в дверях подъезда нарисовался Михаил, разговаривающий с консьержкой.

Он махнул рукой Иванке и Валентину.

– Ну вот, я же не даром говорил, у меня предчувствие, что мы с вами очень скоро снова встретимся... Я ведь не сразу понял, что это твоя квартира ограблена, – повернулся он к Иванке.

Та замерла как вкопанная. У Валентина тоже перехватило дыхание. Вот оно, понеслось. Ох уж эта Иванка! Вечно вокруг нее вертится вся Вселенная, и, как правило, не в ту сторону.

– Представляете, – затараторила вышедшая вслед за Михаилом консьержка, – вот эта милая женщина, ваша приятельница, – она указала на Леру, – увидела, что ваша дверь открыта... А я ведь никого из посторонних сегодня в подъезд не впускала. И, потом, я никогда не позволяю себе отвлекаться, или покидать своё рабочее место... в моей жизни такое впервые! – Женщина почти плакала.

Еще бы! В их тихом, приличном квартале, более того, – в их очень уважаемом доме, чтобы случилось подобное! Невероятно!

И они все направились в квартиру Иванки.

У ее двери дежурил молодой парнишка в милицманской форме.

Все вместе они вошли внутрь. На первый взгляд все в квартире было в полном порядке. Обувь Иванки валялась по всей прихожей, на вешалке висели осенние, зимние и летние куртки все вместе. В общем, все было на своих привычных местах, все как всегда.

– Ну, давайте смотреть, что пропало. – Михаил привычным цепким взглядом окидывая пространство квартиры, искал какие-то зацепки, подсказки: то ли в виде грязного следа ботинок на полу, то ли брошенную отмычку, или четкие отпечатки чужих пальцев на зеркале, и вообще все, что могло бы послужить уликой и указывало бы на недавнее присутствие злоумышленников, вскрывших квартиру и унесших самое ценное.

Иванка осторожно, словно это была чужая квартира, прошла за ним вглубь.

Валентину размышлял, стоит ли рассказывать сейчас Михаилу о Гуруджи, о странной картине кисти неизвестного художника, которую тот подарил Иванке. Валентина мучила

мысль, что и эта попытка взлома квартиры Иванки каким-то образом тоже может быть связана именно с появлением в доме той картины... Кстати, а где сама картина?

Но когда он взглянул на подозрительно молчаливую Иванку – что-то помешало ему выложить все Михаилу. Парень-то он хороший, но уж слишком буквоед. Ему давай факты, доказательства, улики. А какой конкретной информацией они могли с ним сейчас поделиться? «Иванка начала новый роман... при этой ей по ночам снятся драконы... а еще у нас есть такой друг – Гуруджи, которого вчера пытались ограбить...»?

Вначале им надо самим разобраться, есть ли какая-то связь между всеми этими событиями, чтобы не выглядеть нелепо перед ребятами из милиции.

Михаил посоветовал ни к чему не прикасаться. И они осторожно прошагали через все три комнаты и кухню.

– Ну, как, все в квартире на своих местах?

– Да, – уверенно кивнула Иванка.

Валентин несколько помедлил, потому что так нигде и не увидел картины, но подтвердил слова Иванки.

– Все так, как вы оставили, уходя из дома? А не могло случиться так, что вы... просто оставили дверь незапертой? Спешили, или что-то отвлекло вас, когда покидали квартиру? – спросил Михаил.

– Когда я увидела дверь твоей квартиры открытой, – взволнованно начала Лера, нервно кутаясь в шаль, и в голосе ее звучала озабоченность, – мне показалось, с тобой что-то случилось. С утра у меня было странное предчувствие, что тебе грозит неприятность. – Валерия чувствовала себя виноватой. Ведь именно она подняла весь этот переполох.

– И она появилась, эта неприятность, – попробовал сострить Валентин, давая понять Лере, что мы сами порой привносим в жизнь своих ближних достаточно много хлопот. Но осекся, наткнувшись на колючий взгляд Иванки. Так она обычно просила его заткнуться. Что он тут же и сделал.

– Знаешь, – задумчиво, стараясь припомнить, ответила Иванка Михаилу, – когда я выходила из дому, то разговаривала в этот момент с...неважно... ты его не знаешь... Разговор этот был для меня очень важен, и в этот момент как назло телефон вырубился. Я разозлилась, помню – бросила телефон в сумочку... А вот закрыла ли дверь на ключ, – хоть убей, не помню. – Она виновато улыбнулась Михаилу.

Лера только молча развела руками, отказываясь понимать такую трактовку событий. Ведь она была уверена, что спасает подругу от воров!

– Ну ладно, ребята. Будем рассматривать и такую версию: дверь осталась открытой из-за рассеянности хозяйки квартиры. А, кстати, окно в комнате тоже было открытым, когда вы уходили?

– Возможно, – быстро ответила Иванка, глядя в сторону. Но Валентин-таки узрел, что ее левый зрачок предательски убежал в сторону.

«Ага, мокрушница, опять врешь. Но где-то же есть и на тебя праведный суд», – подумал он.

Перед уходом Михаил помедлил, пристально окинув взглядом квартиру, посмотрел в лицо Иванке и медленно и выразительно произнес:

– Если обнаружите что-нибудь, – он сделал в воздухе неопределенный жест, – ну, вы сами понимаете, что-нибудь странное, какие-то изменения, или какую-то пропажу – звоните. До скорого!

– До скорого! – нестройным хором ответили они.

Часть 2. Куда ведут следы

Валентин, Иванка и Валерия молча сидели на кухне и так же молча глядели друг на друга. И молчание это говорило... в общем, говорило оно о том, что каждому из них было что сказать друг другу...

Валентин, к примеру, мог бы кое о чем спросить Иванку. Например, – зачем она врёт? Дверь она могла не запереть, лишь находясь в изрядном подпитии. В трезвом же виде она была очень аккуратна. И, кстати, где же эта чертова картина? Хотелось бы еще раз взглянуть на нее. И могло ли быть случайностью, что новый Иванкин роман – о художнике?

А Валерия, в свою очередь, могла бы напомнить Иванке, как их обоих сколько раз выручала именно ее, Леры, интуиция, и что Иванка могла хотя бы поблагодарить ее за бдительность, а не выставлять сумасбродной душой перед этим приятным молодым человеком из милиции.

Иванка смотрела на них обоих с совершенно непроницаемым лицом.

В кухне громко тикали настенные часы в бамбуковой оправе, Лера куталась в шаль.

Все они понимали одно: надо успокоиться, разложить мысли по полочкам, и тогда станет ясно... Что? Да хоть что-нибудь!

– Я сейчас, только переоденусь... – произнесла Иванка и отправилась в спальню.

Валентин принялся варить кофе.

– Может, хоть ты мне объяснишь, что происходит? – спросила Лера, явно обеспокоенная, что ее потрясающая интуиция на этот раз, похоже, дала сбой.

Валентин молчал. Он думал, стоит ли посвящать ее в подробности всех этих происшествий двух последних дней. Но раз уж она зачем-то появилась здесь в самый разгар этих событий, то, может, стоит ей рассказать и о Гуруджи, и о картине.

Тут в кухне появилась Иванка. Вид у нее был довольно растерянный.

Валентин понял: что-то случилось.

– Картина... ее нигде нет, – трагическим голосом произнесла Иванка.

– Какая картина? Ника Селены? – с ходу спросил Валентин, но тут же сообразил, что опять у него в голосе все перепуталось.

Ник – это имя персонажа из нового романа Иванки. А автор пропавшей картины, которую вчера принес им Валдис, – пока им не известен. И все-таки жаль, что картина исчезла. Что-то в ней все же было. ...Странное изображение то ли фантастического круга, то ли какого-то фантастического чудовища...

– Да, это та самая картина, и она пропала, – сказала Иванка тем же трагическим голосом, и Валентин уже окончательно запутался, о чем это она?

– Вчера ее тебе принес Гуруджи. Так? Потому мы пошли на Остров. Тем же вечером на Гуруджи напали. А теперь, день спустя мы здесь сидим и гадаем ...где эта чертова картина? Может, она пропала еще вчера?

– Я... я не помню, – жалобно ответила Ивонка. И оба ее глаза были на своих местах. – Когда я вернулась вчера с Острова – было уже поздно. Я сразу села за компьютер. А потом легла спать. А утром этот звонок насчет Гуруджи...

– У тебя пропала картина? – Валерия аж подскочила на стуле. – Давайте позвоним этому молодому человеку из милиции, он, наверно, еще где-то еще поблизости. Он же просил сообщить, если мы вдруг обнаружим какую-то пропажу. Видите? Значит, у меня все же были основания для тревоги? – Лера была просто счастлива, что ее бдительность, ее нюх не подвели. – А про какую картину, собственно, речь?

– Подожди, – остановила ее Иванка. – Дай сообразить. Ты что, захочешь ему снова рассказывать про предчувствия, ясновидение, про странные мистические совпадения и тому подобное? Вспомни наши приключения, когда мы с тобой попали в лапы бандюганов, которые

хотели на нас свалить ограбление магазина, доказывая, что это мы наводчицы? Помнишь, как ты долго и безуспешно рассказывала в милиции про все эти «мистические совпадения».

– Но ведь на этот раз, слава Богу, не мы с тобой подозреваемые!

– Да? – весьма многозначительно произнесла Иванка. – Ты уверена? Ведь кто обычно первым вызывает подозрение? Ты первой оказалась, как ты утверждаешь, у уже открытых дверей. А ведь именно ты могла сама и открыть их... А затем вызвала полицию, чтобы отвести от себя подозрения.

– И что? Ты хочешь сказать, что это я тебя ограбила? Украла у тебя какую-то долбаную картину, которую я и в глаза-то никогда не видела?

– Да не я хочу это сказать, а только у милиции всегда вызывает подозрение именно тот, кто первым оказался на месте ограбления, или застигнут рядом с еще теплым трупом.

– Нет, но трупа я тут точно не видела, – довольно спокойно отозвалась Лера. – А куда вы его дели?

– Валерия, успокойся, – парировала Иванка. – Это всего лишь пример.

– Кстати, – продолжила она, обращаясь к Валентину, – ты уже понял, почему консьержка не видела, как кто-то посторонний входил в подъезд?

– Я не такой умный, как ты.

– Окно...

– То есть?

– А, поняла, – вмешалась Лера в их птичий язык полунамеков, попивая приготовленный Валентином крепкий и вкусный кофе, – преступник влез по ветке дерева в окно... Кстати, Иванка, я тебе уже однажды говорила: позаботься о том, чтоб ЖЭС спилил ветки этого тополя, а то они почти влезают в твоё окно...

Они подошли к окну, пытаясь осмыслить эту новую версию. И на самом деле, ветви огромного тополя, росшего во дворе, протянулись почти до самых окон Иванки.

– Действительно, таким путем кто угодно может забраться по ветке к тебе в окно, и похитить у тебя что угодно... Кстати, может, это какой-то сумасшедший искусствовед? Но почему он тогда оставил твою входную дверь открытой? – продолжала Валерия.

– А ты перед тем, как войти в мой подъезд, случайно не набирала мой домашний номер? – спросила Иванка.

– Ну естественно, набирала... Вошла во двор и сразу позвонила тебе на мобильный. Ты не ответила. Тогда я набрала домашний номер.

Иванка подошла к аппарату, включила автоответчик. Несколько сообщений от знакомых не вызвали интереса. Пока не дошли до звонка от Валерии. Ее оживленный голос сообщил: «Ау, Иванка! Твой сотовый, когда надо, не работает. А я ведь уже у тебя во дворе, смотрю на твои окна, сейчас приду, ставь чай».

– Итак, если кто-то влез сюда через окно, то выйти обратно таким же образом он уже не мог, так как Валерия уже была под самым окном и могла видеть того, кто вылезал бы из квартиры через это окно. Стало быть, похититель вышел через подъезд, хотя перед этим в этот подъезд не входил – его заметила бы консьержка. Не знаю, обращает ли консьержка такое же внимание на выходящих, как и на входящих? – подытожил Валентин.

– Гениально! – воскликнула Иванка. – Скорее всего, именно так и было!

Валентин лишь пожал плечами, хотя на самом деле был польщен тем, что Иванка назвала его «гениальным». За сегодняшний день это было самое приятное для него событие.

– Лера, твои действия после этого звонка мне? Постарайся точно вспомнить, – спросила у подруги Иванка.

– То, что ты мне не ответила по телефону, меня ничуть не смутило. Я ведь видела, что твое окно открыто. И подумала, что ты дома, возможно, спишь. Затем я вошла в подъезд.

– Спит в час дня? – заметил Валентин.

- А что, – невинно поинтересовалась Лера, – разве такого не бывает?
- Логично, – сухо перебила ее Иванка. – А когда ты входила в подъезд, случайно в это же время никто оттуда не выходил?
- Подожди... Не могу припомнить, не обратила внимания... – растерялась Валерия.
- Вот! – торжествующе заключила Иванка. – И ты после этого хочешь звонить в полицию и что-то им сообщать? Какой же ты свидетель?
- Какой? – спросила Лера.
- Весьма подозрительный... Итак, ход событий, по видимости, был таков: преступник, очевидно, напуганный твоим звонком, быстренько выбежал из квартиры, не захлопывая дверь, чтоб консьержка не засекала, откуда он вышел... тихо спустился вниз... – продолжила Иванка, словно перед ее мысленным взором, как в кино, развертывалась вся картина происходившего.
- Надвинув на лоб капюшон... – в тон ей подхватил Валентин.
- Ой, да! – вскрикнула Лера, – именно так и было! Какой-то мужчина как раз в надвинутом на лоб капюшоне разминулся со мной, когда я поднималась наверх.
- Мужчина? А может парень? Сколько ему на вид было лет?
- Да нет, судя по фигуре, вполне взрослый мужчина. Я хоть лица не видела, но уж отличить молодого человека от вполне зрелого мужчины лет сорока пяти-сорока восьми – очень даже могу.
- Ну вот, наконец, пошли реальные детали, – улыбнулся Валентин. – И тот человек был скорее худощавого телосложения, роста... чуть выше среднего?...
- Ты имеешь в виду мужика из тибетского ресторанчика? – догадалась Иванка.
- Ребята! – радостно подпрыгнула на табуретке Лера. – А может в новом романе Иванки найдется место и для такой скромной героини, как я? Ведь я первая появилась здесь, на месте происшествия.
- Валерия была в курсе многих талантов Иванки, потому что знала ее уже сотню лет (женщины обычно не рассказывают посторонним, сколько лет они знакомы друг с другом, так как с арифметикой, особенно связанной с подсчетом времени, у них большие трудности). Так же, как и Валентин, Лера знала: когда с Иванкой начинаются очередные приключения, это может означать лишь одно: она уже взялась за свой очередной роман. И кто знает, что было первым: курица, или яйцо? Точно так же никто из них не мог точно ответить, с чего начинается каждый новый роман Иванки: с реальных приключений? Или, наоборот, она сама их провоцирует, и все ее фантазии каким-то образом претворяются в реальную жизнь?
- Валерия уже не раз была прототипом героини второго плана в паре-тройке романов Иванки Панчовски, и это ей очень нравилось. Ее собственная жизнь наполнялась каким-то драйвом. И сама себе она начинала казаться окруженной какой-то тайной, человеком, о ком обычно говорят: «Он ведет двойной образ жизни». Хотя и собственную ее жизнь отнюдь нельзя было назвать спокойной, но ведь это на самом деле так интересно: «вести двойной образ жизни»!
- Кстати, почему ты сказал, что это картина Ника Селены? – спросила Иванка у Валентина.
- Да прочел начало твоего нового романа. А что, Ник Селена – это настоящее имя художника?
- Почти... На самом деле был такой художник Николай Май.
- А ты не говорила, что знакома с этим художником, – оживилась Лера. – Он ведь довольно известен... в своих кругах.
- Да не то, чтобы знакома... – в раздумье сказала Иванка, – так, довольно шапочно.
- Пожалуй, есть повод обратиться в милицию, – настаивала Лера.
- Давайте сначала попробуем проанализировать ситуацию, чтобы не выглядеть... гм, странно перед посторонними, – сказал Валентин. – Итак, перед нами – талантливый художник,

имя его мы пока не знаем, – продолжал он. – Его картины спустя некоторое время вдруг стали пользоваться бешеным спросом у каких-то злодеев. Нам теперь стоит сопоставить события в нашей реальной жизни – с теми, которые начинают разворачиваться в новом, будущем романе Иванки.

– И новый герой романа Иванки – тоже художник. Это факт, – сказала Валерия. – И в реальной жизни у автора романа пропадает картина неизвестного художника. Теперь все становится более понятным. Речь идет об одном и том же человеке! – заключила Лера.

– ...И если мы побольше узнаем о судьбе автора нашей ...то есть, теперь Иванкиной картины, – тогда пойдем, что с нами происходит сегодня, – подхватил Валентин.

Иванка меряла шагами комнату из угла в угол, о чем-то молча размышляя.

– Мне кажется, что милиция в этом разберется быстрее, – робко предположила Лера.

– Да, и начнем мы свой рассказ с того, что Иванка начала писать новый роман... – предложил с иронией Валентин.

– ...после чего в нашей жизни сразу же стали происходить события, странным образом вытекающие из этой завязки. Вчера нападают на Гуруджи, чтобы отнять у него эту картину. Но он к этому времени уже успел подарить ее мне. А сегодня я обнаруживаю, что картины в доме нет. Возможно, ее украли... – и как, ты думаешь, отреагируют в полиции на всю эту информацию? – подхватила Иванка.

– Да, действительно, – сказала произнесла Лера, – для этого интересного мужчины из милиции написанный накануне сюжет Иванкиного романа – не доказательство. – Она скептически скривила губы. – Я согласна с вами. Вряд ли убедим милицию начать поиск вора, укравшего картину кисти неизвестного художника, о которой ничего не знаем, и которую никто толком и рассмотреть-то не успел, и при этом будем утверждать, что это – картина Николая Мая... И всего лишь на том основании, что Иванка обо всем этом уже заранее написала в своем романе?

– Ну, наконец-то ты поняла, почему мы не спешим звонить «этому приятному мужчине из милиции», – рассмеялась Иванка. – Сначала надо самим кое-что понять.

– Действительно, зачем обращаться к хирургу с насморком, если достаточно попить чаю с шалфеем, – заключил Валентин. – Итак, наши действия?

– Завтра надо узнать у Гуруджи, где и как он раздобыл эту картину. Думаю, это даст нам ниточку для дальнейшего расследования, – предложила Иванка.

– А давайте-ка сегодня позвонить кому-нибудь из знакомых художников, чтобы уточнить, есть ли у Николая Мая подобная картина... вы хоть помните, что на ней нарисовано? – Валерии хотелось хоть чем-то помочь друзьям в их поисках.

Иванка и Валентин внимательно посмотрели друг на друга, словно пытаясь вместе сформулировать: что же, действительно, было изображено на той странной картине.

– Там было изображено НЛО.

– Какой-то спящий дракон.

– Нет, живой...

– В любом случае, от этой картины веяло каким-то... я бы даже сказала, чем-то потусторонним.

– Да, и у меня – мурашки по коже.

У каждого был свой вариант ответа.

– Гм... – скептически отозвалась Валерия. – Никогда не встречала более ясного и четкого описания произведения искусства.

Иванка набрала чей-то телефон и удалилась, разговаривая с неведомым собеседником.

Валентин открыл ноутбук, стоявший среди чашек на кухонной стойке, и стал гуглить в поисках информации о художнике по имени Николай Май.

Иванка, вернувшись на кухню, доложила о содержании разговора.

– Только что дозвонилась до Вики.

– Это кто? – осведомился Валентин.

– Это Джесси из романа. К сожалению, они расстались год назад. Джесси... вернее, Виктория, даже не помнит, была ли у него картина, подобная этой...

– А может сам Николай смог бы нам помочь? – с надеждой сказала Валерия. – Ну, можно же как-то разыскать его. Все-таки он достаточно популярный художник...

– Увы. – Иванка нахмурилась. – Через пару месяцев после расставания с Джесси... то есть, с Викторией, он уехал. Она не знает, куда.

Какое-то время все они сидели молча.

– Вот оно! – Радостное восклицание Валентина нарушило тишину. – Нашел, ребята! Я даже не ожидал...

Женщины сбежались к нему.

– Вот, – радостно продолжал Валентин, повернув к ним экран ноут-бука.. – Николай Май выставлял свою работу только однажды, в Париже. Вот ее репродукция в недавно изданном им альбоме. Картина называется «Око Дракона».

– Валентин! Давай я тебя поцелую! – Иванка с радостным визгом повисла у него на шее. И они замерли у монитора.

На экране перед их глазами была именно та самая пропавшая картина...

– Значит, все-таки Иванка оказалась права! Это действительно картина Николая Мая! – прошептала ошеломленная Лера. – Я начинаю тебя бояться. Ты – настоящая Кассандра!

– Да! – тихо сказала Иванка. – Я и сама, честно говоря, этого не ожидала!

– Но если бы ты не придумала этой завязки своего нового роман о художнике, если бы не подтолкнула Валентина к этим поискам, – вряд ли он догадался бы, где искать информацию о... о вполне реальной картине.

Валерия замолчала, полностью погрузившись в созерцание того, что она видела теперь на экране компьютера. Не замечая, как течет время вспять... Какая странная вещь. Причем, сразу не поймешь, что же в ней такого особенного? Действительно, словно в вихре красок проступает летящий дракон.

...И тут она словно провалилась в бесконечно долгий тоннель времени. На нее теплой щемящей волной нахлынули воспоминания детства.

...Сейчас ей предстоит отыграть очередной концерт, которым завершается каждый год в их музыкальной гимназии. Обычный – для других, но не для Леры.

Она ужасно боялась этих концертов. Потому что едва выходила на сцену – начиналось что-то ужасное. Ей казалось, взгляды всех собравшихся в темной яме зала, устремленные на нее из темноты, обжигают, как мороз, что с нее словно кто-то сдирает кожу. Руки деревенели и словно примерзали к клавишам, и ей стоило огромных усилий двигать пальцами с такой же уверенностью, как в классе на обычном уроке.

Ее учитель, пожилой седовласый человек, словно чувствуя, что она сейчас переживает, тихо говорит ей: «те, кто сидит в зале и смотрит на вас – они ведь на самом деле помогают вам, общаясь с вами на невербальном уровне, они сопереживают и сочувствуют... А вы просто-напросто должны подарить им какое-то самое главное свое открытие. Вашу самую-самую секретную тайну... Плохой или грубый человек ее все равно не поймет. Поймут лишь те, кто настроен с вами на одну волшебную струну, кто разговаривает с вами с открытым сердцем, с огромной симпатией.

И вот этот наступивший день концерта. И когда Валерия поднималась по ступенькам на сцену, и перед глазами бежали эти мерцающие, слегка трассирующие дорожки от огней рампы, она окончательно поняла, какую тайну она должна сообщить тем, кто сидел в зале. Да, действительно, Лунная соната, которую она должны была исполнить, была посвящена юной графине Джульетте Гвичарди, в которую был влюблен композитор. До сих пор считалось, что именно

она покинула композитора, предпочтя его другому. Но на самом-то деле все было как раз наоборот. Великий композитор просто-напросто ... использовал свою юную Джульетту: «Перемена, произошедшая во мне теперь, вызвана милой, чудесной девушкой, которая любит меня и любима мною», писал великий Людвиг ван Бетховен. Но его собственная музыка все же выдала посвященным правду: эта девушка была лишь прикрытием. Она лишь помогла пробудиться необыкновенным, уже почти забытым в его зрелом возрасте эмоциям, и ему удалось, наконец, то, о чем мечтал давно. Поймать этот луч, эту светлую дорожку, возводящую на небеса, в даль, почти недостижимую для простых смертных, туда, где нет страстей, а чувства возвышены до блаженного покоя вечности у престола Создателя.

И это было так прекрасно, что Людвиг практически не заметил, как его покинула юная Джульетта и ушла к графу, а по совместительству, музыкальному администратору и композитору-любителю Венцелю Галенбергу. Девушка была на самом деле лишь ключиком к секретам вдохновения.

А что касается самой Джульетты – что ж, женщины быстро забывают тех, кто изменил им с лунным светом...

...Валерия вдруг услышала собственный голос, напевавший основную тему из второй части «Лунной сонаты». И вовсе не удивилась этому. Ох уж эта «лунная дорожка», бегущая в полночь от сердца к сердцу...

Она взглянула на сидящих рядом людей.

Иванка, полуприкрыв глаза, слегка покачиваясь в такт неведомым мыслям или ритму услышанной ею музыки внутри своей души, а может просто думала о чем-то своем.

Валентин, уставившись в одну точку застывшими, странно поблескивавшими глазами, тоже, по всей видимости, пребывал в далекой нирване.

То ли от голоса Леры, то ли от какого-то внутреннего толчка, Валентин также пробудился.

– Что за черт... – были его первые слова после этих нескольких минут? часов? – А она, эта картинка, признаться, – с доброй чертовщиной. Вчера я ее, честно говоря, и не оценил по достоинству.

– Да, и тебе она тоже такой показалась? – живо переспросила Валерия. Но на самом деле ей самой просто не терпелось поделиться всем тем, что она только что пережила.

– Представляете, я прониклась ее настроением и вдруг погрузилась в такие далекие воспоминания юности!.. Вспомнила, как впервые мне захотелось сочинять музыку...

– А я вот сейчас «впал в детство», – попробовал пошутить Валентин, вспоминая, как только что, словно провалившись в какую-то воронку времени, очутился в далеком детстве.

– Как тебе эта картина? – спросил Валентин у Иванки. – Странная она... Но что-то в ней, действительно, есть.

– Знаешь, меня тоже бросило в детство, – коротко отозвалась Иванка. Затем, посерьезнев, подытожила:

– Итак, у нас у троих возникли детские воспоминания... Интересно. Надо подумать, что бы все это значило... А вообще-то уже поздно. Хватит на сегодня впечатлений. Все остальное – завтра, на свежую голову. А пока – спать, спать, спать...

Легенды знают обо всём

Иванка лукавила. Она вовсе не собиралась спать. Когда Валерия с Валентином ушли, она, убрав посуду, забралась с ногами на огромный мягкий диван, положила на колени ноутбук.

Полуночный Интернет... Что-то в этом есть... ну, что-то почти от полета над гнездом... скажем так, всего человечества, что-то неземное, нереальное. В час, когда весь окружающий мир спит, – твоя мысль летает над землей, вступая в контакт с чужой, не спящей мыслью. И при этом ты толком не знаешь: то ли от инферно, то ли от рая она, эта чужая мысль...

Иванка хотела пошарить по и-нету в поисках информации о картинах-предсказателях, о картинах-знамениях, в общем, о произведениях искусств со странной судьбой.

«Странная судьба предметов искусств». На эту тему выскочило множество статей.

«...Диадема, которую выкопал в Трое Шлиман, оказалась на самом деле египетской. Когда служительница музея, взяла ее в руки и поднесла к свету, то вскрикнула. На ее руках внезапно возник ожог, словно от огня. Дело в том, что эта диадема оказалась в немецком музее в результате кражи».

(Ну, это точно не наш случай. Во-первых, нашей картины я не крала, она попала ко мне случайно, правда, странным путем. Да и Валдис, хоть и чертов охломон, но тоже не вор. Впрочем, завтра спрошу его о картине поподробнее), – подумала Иванка.

...Чудесное зеркало Бенвенуто Челлини. Сколько оно принесло несчастий красавицам. Особенно тем, кто завладевал зеркалом нечестным путем, стараясь извлечь из той красоты, которую дарило это зеркало владелице, максимальную выгоду. Красотой, да и любой чудесной силой нужно делиться с людьми, дарить ее им.

(Да, эгоизм делает людей настоящими вампирами. Это тоже не наш случай. Я и не собиралась прятать картину от людей).

А вот, кстати, про картины.

...Полотно кисти испанского художника Джованни Браголина "Плачущий мальчик" считается «проклятым». Дело в том, что художник рисовал портрет плачущего ребенка со своего маленького сына. Но поскольку малыш не хотел плакать на заказ, то отец специально доводил его до слез, зажигая перед его лицом спички. Художник знал, что его сын очень боится огня, но искусство было ему дороже... Вот ребенок, а может какие-то высшие силы, и прокляли отца.

Вскоре художник заживо сгорел в собственном доме. И далее наступил ряд зловещих совпадений.

В Северной Англии одно за другим начали гореть те дома, где находились репродукции с изображением плачущего ребенка. И даже один из пожарных инспекторов во всеуслышание заявил, что во всех без исключения сгоревших домах были найдены нетронутым репродукции "Плачущего мальчика"...

(Ну, слава Богу, пожара у меня еще не было, надеюсь, и не будет. Но вот, правда, воры... – да. С этим «повезло»)

...Да, кстати, о знаменитой "Джоконде" Леонардо да Винчи! О знаменитой ее улыбке ходит столько легенд и сплетен о том, что она, мол, не только восхищает, но и пугает людей. История припоминает случай со Стендалем, который, любуясь шедевром, вдруг упал в обморок.

Иванка задумалась. Столько нарыла всего в Интернете, что даже сама растерялась. Но почему, черт подери, с необычными произведениями искусства всегда должно быть связано что-то плохое? Не секрет, что каждый художник просто старается рассказать в своем творении о своей судьбе.

Конечно же, и в этой картине Николая Мая есть частичка личной истории художника. Причем, она каким-то образом касается и Иванки, раз ей в голову прошлой ночью пришел

образ Ника Селены, прототипом которого и был Николай Май, хотя и мало знакомый ей художник.

Иванка мерила комнату шагами из угла в угол.

Как все в жизни переплетено! Как все интересно!

Наверняка есть какая-то разгадка всех событий последних дней, связанная с картиной. Причем, разгадка эта где-то совсем рядом.

Единственно, жаль, что нет перед глазами настоящей картины Селены... черт, Николая Мая. Оригинал наверняка смог бы рассказать много больше...

Чувствовала, что на сегодня, действительно, голова уже переполнена информацией. Пора спать...

* * *

...Утро хлынуло в сознание светлой солнечной волной. Иванка нежилась в постели, на которую сквозь кружевную занавесь падали лучи уже вставшего солнца. Она нарочно не закрывала на ночь тяжелые шторы, чтобы ее вместо будильника вовремя будило утреннее солнце.

Сейчас Иванка лежала с закрытыми глазами и просто кайфовала, наслаждаясь моментом, «забыв о тревогах, печалях, разбитых сердцах и любви» – как пелось в одной популярной песне.

Рукой машинально провела рядом по постели, нащупала лежавшую рядом на кровати книгу.

Эта книга, которую Иванка в один прекрасный день откопала среди развалов букинистического отдела, была без обложки, изрядно потрепанная. Сборник легенд древнего народа маару. Тогда, в магазине, она буквально «прилипла» к Сашиной руке. И, едва открыв первую попавшуюся страницу, она поняла, что заберет ее с собой, задавая себе лишь один вопрос: почему то, о чем пишут легенды, мне уже знакомо?

...Сейчас, лежа в кровати, она открыла ее там, где была закладка...

«Царь Аманту был сыном Зара, Бога Огня. В один из дней, когда Бог Огня сражался с Драконом, молния принесла на землю царя Аманта. Он стал основателем династии Заару. ... Он взял себе в жены [...], самую красивую дочь вождя племени маару. И с той поры династия царей-наследников Аманту – Заару прославилась на весь мир. Люди всех племен маару славят своего единого царя Аманту»...

(«Интересно, что все древние писали про «весь мир», имея в виду лишь свою деревеньку, свой островок, в крайнем случае, свою маленькую страну и пару таких же маленьких стран-соседей. Как дети, ей богу»), – рассуждала Иванка, по-прежнему лежа в постели.

«Откуда пришли Ведающие – никто не знает. Некоторые утверждают, что они были всегда.

И были с ними рядом «Знающие», – это те, кто в будущем становился «Ведающими». Они были незаметны рядом с царями рода Аманту. И мало кто знал меру их влияния на царей династии [...].»...

«...Его звали Акинья, младший Знающий. Он был высок и красив, словно кипарис, и силен, как лев.

И знал он небесные пути Сияющих Птиц, знал их имена: [...], а также умел укрощать огонь.

И подчинялся ему свет утра и полумрак ночи.

И слушались его птицы, выполняя его приказы, потому что [...],

И сильно было его влияние на царя Аманту Ш-го.

Но сердце его не умело улыбаться.

Потому и оставался он всего лишь младшим Знающим.

И потому он не был среди тех, кому разрешен был проход через Ущелье»...
(«Господи, как красиво сказано, – думала с восхищением Иванка, – «Сердце его не умело улыбаться...». Ну почему люди сегодня не умеют объясняться так же красиво?!»)

Любовь – не тема для легенд?

В эту утреннюю тишину рассуждения Иванки о метафизике сущего мира были прерваны внезапным телефонным звонком. У Иванки возникло предчувствие какого-то приятного приключения. Не впервой ей удавалось предугадать (правда, всего лишь за пару минут до самого события), – что сейчас произойдет.

Да, да, да... Это был именно тот человек, о недавней встрече с которым Иванка часто вспоминала. Хотя это не очень-то было на нее похоже, она была не из тех, кто живет вчерашним днем. Но на этот раз дело обстояло именно так.

Обычно Иванка редко вспоминала о своих маленьких сердечных приключениях, тем более, если встреча была ограничена временными рамками всего лишь одного приятного, но недолгого отпуска...

Но на этот раз звонок пробудил в ее сердце ощущение какого-то мягкого приятного тепла. Ох, как давно она не ощущала в своем сердце это тепло! Для Иванки было открытием, что она, оказывается, на самом деле очень соскучилась по этому почти забытому толчку в сердце.

Голос в трубке напомнил ей о прошлогоднем чудесном летнем месяце на берегу Крита.

– Артик! Рада тебя слышать. – Иванка постаралась, чтобы голос ее звучал ровно и в меру дружелюбно. И не более того. Главное, выдержать те интонации легкого дежурного флирта, оставшиеся после незабываемого месяца под палящими лучами южного солнца, под звуки экзотических флейт и щемящих струнных инструментов, названия которых не выговорить, под мелодии, заставляющие трепетать и волноваться сердца в предчувствии любви.

– Рада, что ты меня помнишь, красавица! – в тон ей ответил невидимый собеседник.

Иванка радостно засмеялась.

Именно эту игру в охотника-добычу она и затеяла на лазурном берегу Эгейского моря со своим новым знакомым. И была эта игра настолько увлекательна, что Иванка, забыв о времени, застряла на этом острове на две недели дольше, чем планировала. Забыв и про договор с издательством, и про недописанную концовку последнего романа «Черный ветер», и про все прочие свои дела.

И сейчас за какое-то короткое мгновение перед мысленным взором Иванки словно оживший пресловутый «25-й кадр», – как одно мгновение, промелькнули те волшебные летние дни...

...Экскурсовод предупредил, чтобы все, кто завтра отправляется на экскурсию, одели удобную, легкую, не спадающую с ног обувь, потому что им предстоит много ходить по каменистым горным тропинкам.

Иванка по обыкновению прохлопала эту информацию, и на завтра надела то, что было под рукой – обычные босоножки. Но на головокружительных крутых тропках по чертовым скалам, с высоты которых, правда, открывался сумасшедше прекрасный вид на бухту, Иванка поняла, почему экскурсовод предупреждал их об «удобной и не спадающей с ног обуви».

Вдоль тропинки, по которой они взбирались на вершину скалы, тянулись деревянные, отполированные множеством рук перила. Внизу зиял крутой обрыв, усеянный камнями. И когда из-под ног человека, взбирающегося по тропинке, вырывался камешек, – то несся, всё ускоряясь, в бездонную пропасть, увлекая за собой по пути много других камешков, превращаясь в несущуюся со скоростью экспресса маленькую лавину.

Иванка чуть не поскользнулась на камешке, он выстрелил из-под подошвы, падая вниз. Взгляд Иванки последовал за ним. На какое-то мгновение, ее воображение рванулась вслед за падающими вниз камешками. Закружилась голова. Иванка пошатнулась, и вслед за камешком с ноги прямо в зияющую пропасть свалилась и ее босоножка.

Она оцепенела от ужаса, вцепившись обеими руками в перила.

И тут чья-то теплая, крепкая рука обняла ее за талию.

– Все в порядке, – услышала она довольно приятный мужественный голос.

Этого высокого худощавого мужчину она видела впервые. По крайней мере, до этого он никак не выделялся в толпе туристов. А народу действительно в это день на экскурсии было много. Невесть каким образом оказавшись теперь с нею рядом, он мгновенно среагировал, придя к ней на помощь.

– Артур Эванс, – представился мужчина.

– Как? Неужели тот самый? – опешила Иванка.

– Почти...

Он засмеялся, обрадовавшись, что они поняли друг друга с полуслова.

Да, «Иванов» – это, действительно, почти «Эванс» – долго потом подначивала его Иванка.

Иванке понравилась его мгновенная реакция, когда он поддержал ее на краю опасной тропинки. А также изрядное чувство юмора. А более всего – общие увлечения.

Дело в том, что еще в детстве она, прочтя в книге об открытиях английского археолога и ученого, Артура Эванса, археолога-любителя, купца Шлимана, исследователя-лингвиста Майкла Вентриса, – бредила крито-микенской культурой, расшифровкой древнейших табличек, найденных когда-то на острове. Она тогда искренне верила, что таинственные надписи скрывали самые сокровенные тайны человечества, которые еще предстоит открыть.

И в то время, как ее друзья гоняли на скейтборде по тротуарам, проводили время на вечеринках и дискотеках, вечерами торчали у телевизоров, Иванка в свои четырнадцать «зависала» над довольно серьезными книгами по археологии, истории письменности, углублялась в жизнеописание таких ученых-авантюристов, как Шлиман и Эванс...

И сейчас она приехала сюда, на Крит, не только потому, что захотелось вырваться из надоевшей богемной среды с ее ленью, придуманными приключениями, дымом сигарет за традиционным бокалом вина на заваленном окурками столе. А еще и потому, что вдруг проявилась детская тоска по нераскрытым тайнам человечества. Захотелось погрузиться в тишину критских дворцов и лабиринтов.

И эта неожиданная встреча...

Оказалось, что они оба, как Артур Иванов, так и Сашка Панкевич вырвались из своей обыденной колеи с одной целью: побыть какое-то время, мягко говоря, никем, полежать с голым пузом на пляже, не думая о работе, одним словом, освободиться «от собственной важности» и каких бы то ни было примет надоевшей цивилизации.

Иванов, которого она так и продолжала звать «Артур Эванс», напоминал Иванке охотника, траппера. Мягкая, словно крадущаяся походка – словно гепард на охоте. Его привычки тоже, казалось, выдавали в нем охотника: привычный жест – мягко выбрасывать вперед длинную кисть руки, словно бросая бумеранг.

Гепард, который отдыхает, – подумала Иванка об Артуре.

И на той тропинке над пропастью, спасая босые ноги Иванки от острых камешков, он на руках переносил ее через каменистые отрезки тропинки, потому что иначе Иванка босиком не поспевала за всеми. Пока она не купила себе сандалии на торговых развалах около ближайшего поселка.

А потом... А потом было великолепное жаркое лето, гонки на водных велосипедах, когда они, словно дети, смеясь, старались протаранить друг друга.

...Вот они в кафе под названием, конечно же, «Одиссей», лениво потягивают из высоких бокалов отличное красное вино под плеск прибоя на морском берегу, и она читает Артуру из «Одиссеи» Гомера:

«...Остров есть Крит посреди виноцветного моря, прекрасный,

Тучный, отвсюду объятый водами, людьми избыльный;
Там девяносто они городов населяют великих.
Разные слышатся там языки: там находишь ахейн
С первоплеменной породой воинственных критян; киконы
Там обитают, дорийцы кудрявые, племя пеласгов,
В городе Кносе живущих...»...

...Еще один вечер на уютной маленькой набережной городка. От нечеткого света ночных фонариков набережная кажется таинственной и незнакомой. Из маленького тростникового кафе доносится хрипловатый, взволнованный, берущий за живое, голос певца, немолодого полноватого грека. Сверкая глазами, наполненными влагой, он страдает: «Белый парус уже не уносит нас вдаль, и угасла любовь, накатила печаль...».

Артур, зная греческий, нашептывает ей на ухо перевод песни.

От этой песни, доносящейся из кафе, почему-то щемит в горле, непонятно почему становится жалко самого себя. Но здорово, что рядом есть крепкое плечо мужественного спутника. ...Это так кстати!..

Ивонка и Артур сидят на берегу напротив кафе, на лежаках у моря, свесив ноги в воду, болтают ими, наблюдая, как разбегающаяся рябь колышет отражение береговых огоньков в воде.

...Ночное купание в теплой воде. Она настолько теплая, что, кажется, и воды-то вовсе нет, а есть только кожа обнаженного тела, которая ощущает эти сильные, мягкие, невидимые, нежно обнимающие руки...

Иванке нравился этот человек, его независимость, та внутренняя свобода, которую она очень ценила в людях. Да, именно эта внутренняя свобода гонит людей в дальние странствия, толкает на незабываемые приключения, не дает надолго приземлиться, обосноваться на одном месте. Именно эта свобода позволяет людям совершать великие открытия, вершить великие войны...

В общем, у Ивонки была целая философия на эту тему.

Да и сама она была по характеру, пожалуй, такой же охотницей.

Артур как-то мимолетно вспоминал о своем участии в экспедиции «Витязя» в Средиземном море.

А Ивонка в ответ ему врала, что работает в издательстве корректором.

И от этой полуправды ей было волнующе весело...

В это критское лето они, взяв напрокат машину, изъездили многие древние городки и поселки острова, величественные руины Фестской крепости высоко в горах, где время казалось совершенно призрачным и условным, развалины Кносского дворца, повествующие о том, как приходили сюда, в эти края, волна за волной, народы, разрушая то, что строили до них другие.

...После купанья в теплой голубой лагуне, они ночуют в одной из карстовых пещер острова, которые, казалось, еще хранят в своей непроглядной глубине шум шагов пиратов, которые совсем-совсем недавно, всего пару-тройку столетий назад, останавливались здесь, устроив засаду на мореплавателей, высаживающихся на обманчиво спокойный берег лагуны..

– Кап-кап... – тихие равномерные звуки в глубине пещеры кажутся отзвуком чьих-то крадущихся шагов.

* * *

Расставались они так же весело, как и проводили время на острове.

Что могут сказать друг другу два охотника? Никто из них ни хищник, ни добыча. Не было победителя или жертвы. Они сыграли в эту игру на равных.

Правда, потом Иванка не раз порой с очень теплым чувством, которое в другом случае могло бы показаться тоской-печалью Пенелопы по своему Одиссею, – нет-нет, а и вспоминала об Артуре и о волшебном лете на Крите.

...И теперь этот неожиданный звонок. Хотя она даже не помнила, когда успела дать ему свой номер? Но в любом случае, была рада снова услышать его уверенный голос.

– Да, конечно, мой ангел. Мы можем встретиться в арт-клубе «Лабиринт». – Иванке захотелось показать ему что-то исключительное, чего он еще в своих экспедициях не видывал, – а именно – местную артистическую богему. Тем более, что сегодня в клубе выступала Валерия с презентацией своего нового авторского альбома.

Они договорились встретиться на площади Трех фонтанов.

* * *

...Только сейчас, сидя рядом с Артуром в полутемном зале за маленьким столиком на двоих, потягивая терпкое красное вино, почти такое же, как полгода назад на Крите, Иванка заметила легкую седину на его висках. Летом же на его посветлевших от солнца пепельных волосах седины вовсе не было видно.

И еще – легкие морщинки у уголков губ.

«Ого, все-таки оставила свой след долгая и нелегка жизнь охотника за тайнами, полная приключений, труда и волнений», – подумала Иванка.

– А ты почти не изменилась, – ответил Артур, словно угадав, о чем мысли Иванки.

«А может, действительно, угадал?» – подумалось ей.

– Тут очень даже неплохо, – Артур огляделся по сторонам. Но что-то в его поведении выдавало напряжение или неловкость.

«Вольному охотнику тесно в закрытом помещении», – решила Иванка. Она уже знала, что он только что вернулся «с поля», – то есть, из очередной экспедиции, где занимался своей – (Иванка с трудом выговаривала это слово) «палеогеоморфологией», – господи, каких только наук ни придумали люди!»

– Это тебе, – Артур протянул ей что-то в прозрачном пакетике.

– Господи! ... – Иванке на мгновение показалось, что это тот самый знаменитый «фестский диск», который они с Артуром видели в археологическом музее Ираклиона. Даже мелькнула сумасшедшая мысль, что Артур ради нее ограбил музей...

«Придет же в голову такое!...».

Но нет, музейным экспонатам суждено было остаться в целости и сохранности. А этот диск был лишь копией того самого, знаменитого фестского диска, – с тщательно оттиснутыми значками-иероглифами на обеих сторонах.

Иванка, не обращая внимания на окружающих, бросилась Артуру на шею.

– Ой, ну какой ты молодец! – Она чмокнула его в слегка небритую щеку.

...Когда они полгода назад приехали с Артуром в знаменитый археологический музей, то сразу поспешили к заветной реликвии, увидеть которую собственными глазами ей хотелось очень давно. Это был один из самых загадочных и знаменитых экспонатов – фестский диск: терракотовый круг диаметром около 15 см, на котором с обеих сторон на неизвестном языке внутри спирали были оттиснуты иероглифы.

– Самое замечательное, – тихо говорила тогда Иванка Артуру, созерцая таинственные надписи, – что на этом лихом перекрестке цивилизаций найдено и расшифровано многое. Почти все. Но эти письма не только не поняты, но и даже неясно, что это: молитвы, календарь, заклинания...

– Да, в этом случае даже мой знаменитый предшественник и почти однофамилец, «тот самый» Артур Эванс был бессилён объяснить содержание этого диска. Все, что он смог сделать с ним – от руки перевел все рисунки с диска на бумагу.

– Говорят, рукой художника водит сам Бог... – вставила Иванка. – Наверно, в процессе вот такого рисунка, ему в голову приходили и какие-то догадки, о которых он никому не говорил.

– Не исключено. Потому что он долгое время не публиковал эти рисунки, не давал в открытую прессу даже фотографий диска.

...Иванка с Артуром на какое-то время погрузились в воспоминания. Скорее всего, перед их глазами проходили одни и те же картины того жаркого лета, которые вызывали теперь на их щеках еле заметный румянец...

Иванка любовно поглаживала пальцами выпуклые линии на диске. Артур молча смотрел на нее.

Полет их фантазии, уносивший в прошлое, был прерван громким возгласом:

– Дорогие мои! Здравствуйте! Я счастлива, что вы снова со мной.

У рояля, стоявшего на небольшой площадке в центре зала, появилась Валерия. Она была в привычном для нее развевающимся наряде. Лера любила такие летящие, «люющиеся» одежды, они скрывали ее полноту и были достаточно эффектны для сцены.

После некоторого возбуждения в рядах спокойно сидящей публики, в виде небольшого рокота тихих приветственных слов, Валерия продолжала:

– Посмотрите сюда, дорогие мои.

Она театральным жестом указала на Иванку.

– Перед вами чудесный автор многих стихов, – я даже не могу сказать «текстов»... ведь я пишу песни только на стихи серьезных поэтов. ...Ну, вы меня понимаете...

В ответ прозвучали сдержанные аплодисменты, что, впрочем, услышать от искушенной клубной публики было вообще-то редкостью.

Иванке, в глубине души чертыхаясь, пришлось встать и поклониться. Черт бы побрал эту Леру. Не прийти на ее презентацию – обидится, – все же подруга. А придешь – нарвешься на такой вот спектакль. А ведь так хотелось тихо, спокойно посидеть со старым другом в уютном, привычном месте, не привлекая особого внимания.

– Да ты у нас, оказывается, знаменитость, – с улыбкой заметил Артур.

Иванка вспомнила, что несколько месяцев назад рассказывала ему о работе в издательстве, кажется, говорила, что она – корректор?

– Лера – моя давняя подруга, мы когда-то написали с ней несколько песен...

Иванка внимательно слушала Валерию, невольно отбивая ногой ритм, – песни Леры ей всегда нравились. В них был какой-то особый магический ритм. Кто-кто, а Лера умела своей музыкой задеть за живое.

– Я сам сделал этот диск, – вдруг невпопад тихо сказал Артур, заметив, что Иванка по-прежнему держит его в руках.

Иванка смутилась, что случилось в ее жизни нечасто.

Какая-то теплая волна поднялась в душе. Иванка положила ему руку на колено. Словно они только сейчас поздоровались после долгого перерыва в несколько зимних месяцев...

Затем она незаметно отключила в сумочке свой телефон.

А потом они поехали к ней домой.

В эту теплую ночь с балкона можно было любоваться огромным бледным лунным диском. И снова, как и тем жарким кипрским летом, они не размыкали до утра жаркие объятия, догоняя друг друга, – два охотника, две добычи древнего бога любви Гимерота...

* * *

Под утро Иванке неожиданно приснился странный, очень четко запомнившийся сон. ...Темный зияющий грот пещеры. В углу пещеры, в самой темной ее части, сидел седовласый старец.

Хотя на самом деле лишь совершенно белые, ниспадающие мягкой волной на плечи волосы, создавали впечатление, что это убеленный временем старик.

Когда он поднял голову, – глаза его заблестели каким-то озорным, мерцающим светом, словно яркие угольки. Движения человека были медленны, казались неуверенными. Ничего удивительного. Ведь он только что вернулся из путешествия по Ущелью. И лишь теперь его светящееся тело соединилось с его физическим телом, которое все это время оставалось неподвижным в этой пещере под неусыпной охраной.

Старший Ведающий Самата был не один. Он поднял голову и посмотрел на, подошедшего к нему человека, который нес в руках только что приготовленный, еще дымящийся настой из горных трав: парты, магдала, и волшебного цветка астару, сорванных в ночь самой полной луны, в самый длинный месяц лета, после появления первой росы. Звали человека Влка, – Первый Хранитель.

Старшего Ведающего Самату мало кто из простых людей мог лицезреть воочию. Много дней и ночей он проводил в самади, после чего появлялся во дворце Амату с новыми пророчествами.

И лишь его личная охрана – Первый Хранитель по имени Влка мог видеть его уход в Ущелье и его приход из Ущелья.

Влка поклонился Самате и передал ему напиток. Вся фигура его выражала почтение, но держался он с несомненным достоинством. Это был храбрый воин, посвященный в тайную жизнь высших жрецов. Его походка выдавала хорошее происхождение. Несмотря на то, что он служил Старшему Ведающему, он не забывал о том, что он воин, охотник, как и его далекие предки, вольные люди. Обо всем этом говорила его мягкая поступь, он ступал мягко, как гепард. Его жесты также были сдержаны, длинную кисть рук выбрасывал вперед свободным жестом, словно «выстреливал»...

Иванка словно наяву видела лицо этого человека с длинными, чуть седоватыми волосами.

И оно казалось ей удивительно знакомым...

– Меня очень беспокоит Акинья....

* * *

Иванка задыхается от того, что в пещере слишком душно... И лишь прикосновение к чьей-то руке слегка успокаивает, давая возможность вернуться...

Она внезапно просыпается, – тело влажно от пота.

Рядом бесшумно спит человек, которого, как ей кажется сегодня, сейчас, в этот миг, – она любит.

Дыхание ее понемногу успокаивается.

Надо же, как все смешалось в одну кучу, фантазии, реальность, легенды и быль ... Не иначе, виновато полнолуние.

Артур, как истинный охотник просыпается быстро и бесшумно. Вот только что она слышала его легкое дыхание, – и вдруг стало тихо...

Она ближе придвигается к нему, кладет ему голову на плечо. Оно кажется ей таким надежным...

Тот, кто распутал этот клубок

За задвинутыми шторами понемногу светлеет. Правда, пока еще не видно, встало ли солнце. Но еще очень рано, настолько рано, что время еще не угадывается.

Но что-то в этой тишине беспокоит, нарушает тишину. Вроде как мышшь скребется, – так кажется Иванке. Этот непрерывный легкий шум не дает снова заснуть.

...Звук настораживает. Ясно слышно, как что-то незнакомое, инородное вторглось в утреннюю гармонию и тишину. Иванка подхватывается, садится на кровати.

Да, уже видно, как пробивается в уголке окна солнечный свет. Артур еще крепко спит.

Кто-то явно скребется в коридоре. Она осторожно встает, накидывает халат, и осторожно, как кошка, которая собирается напасть на скребущуюся в коридоре мышку, медленно начинает двигаться вдоль стены спальни к двери, ведущей в коридор.

В коридоре никого... Но вот во входную дверь извне кто-то явно скребется.

Иванка распахивает двери. ...И даже не удивляется.

Конечно же, это Гуруджи. С весело поблескивающими глазками, вполне живой и здоровый. Правда, с двумя пластырями – на лбу и чуть выше правого виска.

– Ну слава богу! – улыбнулась Иванка. – Тебя уже отпустили из больницы?

– Да. Вчера. – Гуруджи был рад жизни и вполне готов ко вниманию всех желающих к своей не самой скромной особе.

– Ну, заходи, – Иванка проводила Валдиса, естественно, первым делом, на кухню. Она была рада, что этот вполне тихий день с утра складывается наилучшим образом. – Я пока оденусь, а ты намажь бутерброды и включи чайник.

Иванка знала, что Гуруджи справится и без нее.

Вместе с тем ей было совестно, что за своими личными, хоть и довольно неотложными делами она совсем забыла о многострадальном друге, лежавшем в больнице в полном одиночестве без должного ухода и внимания друзей.

Ах да, она ведь отключила телефон, и поэтому словно выпала из потока событий, потеряв ощущение времени. Пора, пора возвращаться в эту привычную жизнь, как бы тебе ни было хорошо в нирване.

Когда она вышла из ванной, квартира уже была наполнена запахом кофе, а из комнаты слышался разговор.

В гостиной Иванка застала Гуруджи с уже успевшим одеться Артуром.

– А где Валентин? – невинно спросил Гуруджи у Иванки.

– А почему ты решил, что его по утрам нужно искать у меня? – парировала она.

Артур сидел в глубоком кресле. Вокруг него, кругами, как охотник вокруг дичи, ходил Гуруджи, и у Артура впервые за то время, что она его знала, был вид загнанной в угол добычи.

«Бедняга, – подумала Иванка, – легко переносит трудности, к которым привык: опасные переходы в горах, пустынях. Траншеи раскопок, кропотливый труд, авиасъемки, карты древних государств, клады, захоронения. Но с нашей богемной братвой не всегда бывает так же просто и легко».

Она присела на ручку кресла Артура, обняла его за плечи.

– Это мой старинный друг и коллега Гуру... э-э-э, просто Валдис, – представила она Артуру Гуруджи. – Его только что выписали из больницы после ужас-с-ной травмы головы... почти несовместимой с жизнью.

Иванка надеялась, что этого вполне хватит, чтобы объяснить странную манеру поведения Гуруджи и его привычку вторгаться в чужие дома, да и вообще в жизнь своих ближних, как к себе домой. Но она явно ошибалась.

Гуруджи хитренько хихикнув и подмигнув Иванке обоими глазами по очереди, парировал:

– Ну, моя травма, все же оказалась не смертельной, слава богу. Думаю, нападавшим тоже досталось от меня на орехи. А у Валентина ведь есть ключ от твоей квартиры, я знаю... Я сначала думал, что это он там, в спальней.

Гуруджи трудно было сбить с выбранной им темы.

Иванка многозначительно кашлянула, сделав Валдису страшные глаза. Но до Валентина все доходило как до жирафа.

– Хочешь перекусить? – спросила Иванка у Артура. – Пойдем, – не дожидаясь ответа, потащила его за руку на кухню. – Могу тебе сделать яичницу, или что-то посущественнее. Не обращай внимания на Валдиса, он всегда такой странный. Хотя, в общем-то, добрый и забавный. У него была такая тяжелая судьба!

– Оно и видно, – вяло отозвался Артур.

Иванка заботливо соорудила ему пару бутербродов с колбасой, случайно оказавшейся в холодильнике. Оглянулась на дверь кухни: как правило, почуяв запах колбасы, Гуруджи тут же появлялся на пороге. Но тот подозрительно затих в комнате. Иванка уже решила, что Гуруджи по своему обыкновению бесследно испарился, не прощаясь, но он вскоре нарисовался в дверях.

– А я слышал, что на тебя тут тоже было нападение... кто-то влез в твою квартиру, – Валдис произнес это с ударением, почему-то выразительно глянув на Артура, – и украл мою картину.

– Да уж. Выходит, не только тебе одному досталось на орехи из-за нее. Кстати, у «твоей» картины очень странная судьба, заметила Иванка. – Почему-то у всех, к кому она попадает, начинаются проблемы.

– Постой-ка, – Гуруджи быстро вышел из кухни.

Не успели они опомниться, как он появился снова, а в руках у него была... та самая картина Николая Мая «Око Дракона»! Все тот же размытый полукруг, похожий на странное животное, присыпанное разноцветными листьями. Да, да, это была та самая картина, которую Гуруджи несколько дней назад подарил Иванке.

– Где ты ее откопал?

– Да у тебя за шкафом... – Гуруджи хитро усмехнулся.

Иванка по-прежнему ничего не понимала.

Гуруджи был счастлив вниманию к себе, и загадочно улыбался.

Иванка слегка шлепнула его ладошкой по затылку, чтоб направить его мысль в нужное русло и активировать речь.

– Это я... – вставил Гуруджи.

– Что «ты»? Это ты ее украл у меня?

– Почему украл? – обиделся Гуруджи. – просто позавчера, когда я принес тебе эту картину, – вы собирались уходить. И поэтому бросили ее, где попало, даже на стену не повесили. Вот я, уходя, и засунул ее за шкаф. Меня еще мама учила: особо ценные вещи нужно прятать за шкаф, потому что там никто не догадается искать. Выходит, это и в самом деле помогло?

– Похоже, вы тут не скучаете. Если не секрет, о чем речь? – спросил Артур.

– Речь о... картине, – пояснил Гуруджи, провожая глазами последний кусок бутерброда, который исчез во рту гостя Иванки, – ...со странной, как выразилась Иванка, судьбой. Это я подарил ей эту картину.

Артур внимательно взгляделся на картину.

– Действительно, похоже на дракона, – отозвался он наконец. – Она похожа на дракона, закрученного в спираль.

Артур говорил сейчас медленно, невыразительно, и производил впечатление медиума, находящегося в фазе активного сна.

– Да, спираль... Она тут четко различима, – продолжал он. – Кстати, спираль символизирует то же, что и лабиринт. Может являться изображением вращающегося небосвода, движения Солнца, смены времен года, вращения земли... означает плодородие и динамический аспект бытия. Как вихрь или водоворот, спираль отождествляет великие созидательные силы... это символ энергии в природе!

Иванке не доводилось еще видеть Артура в таком состоянии. Он явно сел на какой-то свой конек. Может, он еще и медиум?

– Этот символ – спираль – связан с *solve et coagula* в алхимии. Может также быть символом пламени и огня, как в символике кельтов. ... Похоже, у этого шедевра действительно интересная судьба, – задумчиво заключил он.

Что видит Око Дракона

Во входную дверь уже должно быть минут с десять кто-то настойчиво звонил. Но присутствовавшие на кухне были настолько увлечены созерцанием и обсуждением загадочной картины, что эти настойчивые звонки долго не доходили до их сознания.

Наконец до Иванки дошло, что, возможно, к ней рвется еще один непрошенный посетитель, и она пошла открывать двери.

На пороге стоял Валентин. А с ним еще двое молодых людей с одинаковыми выражениями лукавства, озорства и любопытства на лицах. Это были «варяги», «лит.пацаны», о которых вспоминал пару дней назад Валентин. Начинающие писатели Аменхотеп и Иракли.

Были ли это их настоящие имена – Иванка не знала. Возможно, это были псевдонимы. Но по большому счету это никого не интересовало, так как ни их имена, ни псевдонимы пока еще не были известны на вершине литературного Олимпа.

Этих ребят им когда-то порекомендовали в издательстве, которое уже три года работало с Иванной Панчовски. Лит.пацаны там выполняли разные мелкие задания – от подбора нужной информации по теме, – до дописывания эпизодов, если писателю самому по какой-то причине влом было это делать.

Как догадалась Иванка, Валентин притащил пацанов, чтобы вместе с ней подвигнуть и настроить их на создание концовки романа, который она задолжала издательству.

– Ну, рад, что всё в порядке и все живы, – воскликнул Валентин с порога. – А то я уже начал волноваться. Твой телефон не отвечает, наверно, забыла зарядить?

– А у нее гости, – как всегда невпопад встрял в разговор Гуруджи.

– Да я уже вижу... – парировал Валентин, но вдруг, заметив посреди кухни стоящую на стуле картину, замер на полуслове.

– Ни фиги се!... – только и смог произнести он. – Пока меня тут не было, у вас каким-то чудом эта картина нарисовалась снова? Что за чудеса?

– Да это все Гуруджи. В тот день, когда он ее притащил, – мы собирались в город. И Гуруджи перед уходом, никому ничего не говоря, засунул ее за шкаф, чтоб, как он выразился, – «она не пропала»...

– Как в воду смотрел! – засмеялся Валентин. – Не зря говорят, что у первобытных людей интуиция развита гораздо сильнее, чем у цивилизованного человека.

Гуруджи засопел, пытаясь уловить скрытый смысл комментария Валентина, но такое напряжение сил мысли оказалось для него слишком утомительным, и он вскоре оттаял и, как ни в чем не бывало, улыбнулся.

– Вот так вот я и спас ценное произведение искусства, – с гордостью провозгласил он.

Валентину нечем было крыть.

Иванка краем глаза заметила, как Артур вдруг застыл, по-прежнему продолжая сидеть спиной к присутствующим. Он один оставался неподвижным, словно всецело погрузившись в созерцание картины.

– Класс! Отпад! – воскликнули по очереди Аменхотеп и Иракли, разглядывая картину и комментируя свои впечатления от нее.

– Затягивает...

– Что-то в этом есть... Словно драконий глаз. Говорят, есть такой минерал, «Око дракона». Когда долго вглядываешься в него – там открывается почти бездонная глубина. Третье измерение. В древности этим минералам поклонялись, как средоточию магических сил...

«Да, мальчишки не так глупы, как кажутся на первый взгляд», – подумала Иванка.

– А она, кстати, и называется «Око Дракона», – вставил Гуруджи.

– Спорим, у нее наверняка непростая судьба?

– А вот нам сейчас Гуруджи о ней расскажет...

Иванка оттягивала тот момент, когда ей надо будет представить присутствующим Артура. Да и тот, судя по его напряженной фигуре, вовсе не был расположен сейчас общаться с шумной компанией. Иванка не без основания полагала, что Валентин будет ей потом читать мораль, что она еще та ведьма, что не должна отключать телефон, учитывая все последние события, и вообще эгоистка...

Он порой бывает таким занудой!

Валентин в это время полез в шкафчик за кофе. И молчание его, действительно, было весьма красноречивым.

Кто-то дотронулся до рукава Иванки. Артур, судя по всему, под шумок уже собрался уходить. Он увлек ее в прихожую. Обнял. Она почувствовала в своей руке бумажный квадратик.

– Тут мой телефон. Не хочу вам мешать. Кроме того, у меня сегодня дела.

Иванка только вздохнула и красноречиво развела руками.

Но то, что он оставил ей телефон, говорило о многом.

Закрыв за Артуром дверь, Иванка вернулась в кухню.

– Ну вот, наконец, здесь остались только свои! – провозгласил Гуруджи. – Пора доставать коньяк.

– Рано, – сурово парировал Валентин. – К тому же ты забыл его захватить с собой. Давайте все же выслушаем историю этой восхитительной картины? – Где ты ее раздобыл?... Кстати, куда умчался этот странный гость? – перебив сам себя на полуслове, он повернулся к Иванке. – У меня странное ощущение, что я его знаю. Жаль, не успел рассмотреть... А ведь мог бы поклясться... почти со стопроцентной уверенностью... он очень напоминает моего бывшего одноклассника, Эдика Скрипку.

– Эдика? – А вот и мимо! – ответила Иванка, думая, как переключить мысль Валентина на что-то другое. – Нам всем, полагаю, не терпится, наконец, побольше узнать о нашей картине.

Все уставились на Гуруджи.

А тот кайфовал из-за того, что снова все внимание сосредоточено на его персоне.

– Все началось два месяца назад, – начал он, – когда я продал свою отличную, почти новую индийскую духовую гармошку, которую раздобыл в прошлом году на гавайском рынке. Я ее продал своему приятелю, – ну вы его знаете, это антиквар Мехлис. Ваня Мехлис. Он...

– Вернемся к нашим баранам, – Валентин попробовал вернуть его к картине.

– Так вот этот Ваня Мехлис, не рассчитавшись со мной, неожиданно пропал. И его жена, вернее, подруга Лора, отдала мне эту картину, которая лежала у Мехлиса в задней комнате.

– И что случилось с этим антикваром? – заинтересовалась Иванка.

– Лора до сих пор не знает, где он сейчас, но считает, что он не пропал, а просто уехал к родителям после того, как они поругались, – ответил Гуруджи.

– А как картина попала к Мехлису? Кто был ее хозяином до этого? – спросила Иванка.

– Когда Лора, подруга Ивана, предложила мне картину вместо денег, я, конечно, спросил, откуда она? А вдруг оставлена в залог? Мне не нужны потом сложности...

– И что же?

– Ее и вправду оставляли в залог. Но потом за ней никто так и не пришел. Лора сказала, что я могу ее оставить себе как оплату за мою гармошку. Таким образом, у Мехлиса будет одним долгом меньше.

– Так что же получается, – прервал молчание Аменхотеп, – выходит, что те, кто владел картиной – рано или поздно исчезают? Сначала художник, затем, тот, кто оставил ее в залог, потом, хозяин лавки?...

Иванка зябко передернула плечами. Встала, нашла среди дискет, валявшихся на подоконнике, запись последних творений Валерии и вставила его в проигрыватель.

Музыка сразу овладела всеобщим вниманием. Все-таки Валерия была прекрасным композитором. И ее музыка, равно как и чудесным образом появившаяся снова картина, словно дополняли друг друга, овладев слухом и зрением всех, кто здесь находился.

Гуруджи в ритм музыке задумчиво то открывал, то закрывал дверь огромного, но почти всегда пустого Иванкиного холодильника, словно надеясь на волшебство, состоящее в том, что при новом открытии дверцы холодильник вдруг окажется набит вкусной снедью.

Иванка молча вглядывалась пустыми глазами в потемневшее небо за окном, за которым еще не зажглись фонари.

– А вот и нет! – вдруг сказал Гуруджи.

– Что? – вздрогнул Валентин, пробудившись от размышлений.

– А? – вскинула голову Иванка.

Аменхотеп и Иракли дружно уставились на Валдиса.

– Сколько уже дней у нас картина? – спросил Гуруджи.

Присутствующие не понимали, о чем он.

– Уже дней пять, – торжествующе произнес Гуруджи. – И кто-нибудь исчез? Как бы не так! Правда, ее пытались украсть и у меня, и у Иванки, и у Мехлиса. Но – не удалось!

– Допустим, что это одни и те же злодеи, но лишь – допустим. Мы не можем знать этого наверняка, – отчасти согласился с ним Валентин.

– И что ты хочешь этим сказать? – спросила Иванка.

– А просто они не на тех нарвались! – торжествующе закончил Гуруджи. – Мы их обгорили! Мы им оказались не по зубам!

Это его категоричное заявление, кажется, и в самом деле немного разрядило обстановку. Гуруджи порой бывал таким наивным, но тем не менее...

Все на самом деле сложнее, чем кажется

Когда Гуруджи отправился домой, Валентин послал Ираклия за парой бутылок красного вина, и весь вечер они с Иванкой наставляли молодых литераторов, какой должна быть концовка «Черного ветра», последнего романа Иванки Панчовски.

Лит.пацаны согласно кивали головой, уминали с невероятной быстротой пиццу, запивая ее красным сухим.

В общем, этот вечер закончился на удивление спокойно, без приключений.

Затем, когда уже ушли и лит.пацаны, Валентин поставил еще раз новый, недавно записанный диск Валерии. Музыка и в самом деле была хороша, хотелось слушать еще и еще. Особенно вторая часть рондо, очень спокойная, светлая, со внутренней едва заметной улыбкой.

Иванка сидела рядом на диване, молча смотрела на загорающиеся по очереди фонари и звезды за окном.

Слишком много событий за один день. Ничего говорить и обсуждать ей уже не хотелось. Хотелось просто помолчать с закрытыми глазами, ни о чем не думая.

Быстро темнело, но они не зажигали света, довольствуясь быстро меняющимися оттенками вспыхивающих фонариков за не занавешенным окошком.

– Так что с тобой происходило в эти последние пару дней? Я уже Бог знает что передумал, – спросил вдруг Валентин, – телефон твой не отвечал. И только Лера знала, что позавчера ты была с каким-то приятелем в арт-клубе.

– Неплохая музыка, – невпопад ответила Иванка, теребя бахрому на диванном покрывале.

– Так что это за... охотник за змеями? – не успокаивался Валентин.

– Ты что, отец мне, или брат? – по-прежнему вяло попыталась возразить Иванка, хотя было видно, что ее мысли сейчас где-то очень далеко.

– Я просто опасаюсь, как бы этот твой новый знакомый тоже не оказался каким-то образом замешан в эти приключения с картиной. Ты давно его знаешь?

– Ревнуешь? – довольно нахально спросила Иванка.

– Размечталась! Просто этот человек... жаль, не рассмотрел, не поговорил с ним. Но, по крайней мере, он хоть не похож ни на культуриста, ни на тренера по фитнесу. Уже одно это хорошо. Он очень напомнил мне... ах да, я тебе уже говорил. Я мог бы поклясться, что это вылитый Эдик...

– В таком случае, почему он тебя не узнал? Да и зовут его вовсе не Эдик.

* * *

...Иванке в эту ночь снова приснился зеленовато-коричневый водоворот из листьев, плавающих на воде и увлекающий в свою влажную и теплую глубину. (В глубину тоннеля, похожего на глубокую пещеру).

И она провалилась – то ли в этот водоворот, то ли в сон.

...В этой темной, теплой, парной глубине – то ли тоннеля, то ли пещеры клубился теплый туман и почти ничего не было видно. Лишь впереди нечетко поступало что-то вроде решетки. А из-за нее, из-за этой решетки на нее смотрели чьи-то глаза. Она вглядывалась в полумрак. Из тумана выступило лицо. Это... Николай Май! Где это он? В пещере? Что это за решетка? Тюрьма?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.